

*В. С. ВЕРТОГРАДОВ,
профессор Московской Духовной Академии*

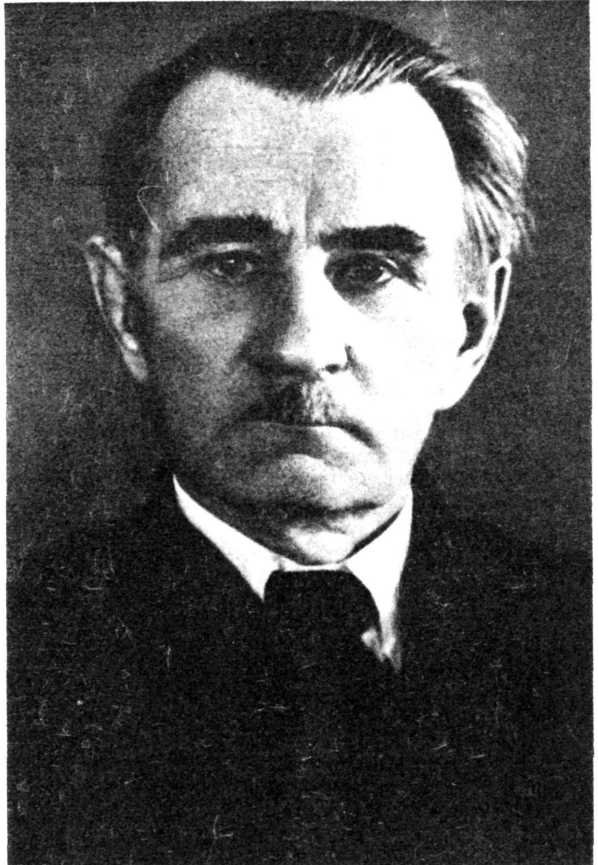
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГАЛИЦИИ В ДРЕВНЕЙШИЙ РУССКИЙ ПЕРИОД (Церковноисторическое исследование)

Предисловие

Прежде чем приступить к изложению истории Православной Церкви в Галиции в древнейший Русский период, мы считаем необходимым сделать несколько предварительных замечаний.

Историческая наука в лице неутомимых своих тружеников успела уже дать оценку многих различных сторон Русского государства и Церкви, указать смысл и оправдание отдельным событиям в ту или иную эпоху церковно-гражданской истории, а также установить понимание мысли и жизни русских людей и их национального самосознания, внося в это понимание философскую целостность и единство. Реальными показателями такой работы мысли являются капитальные труды и многочисленные монографии в области церковно-гражданской истории, где различными авторами с различных точек зрения дано рациональное объяснение течения исторической жизни как в целом, так и в отдельных частях его. Но все-таки коллективная работа историков церковных и гражданских не захватила в круг своего научного достояния многих интересных областей и сторон русской жизни. Проложив основные пути и указав средства для научной разработки какой-либо области истории, историческая наука спокойно завещала дальнейшее исследование ее своим достойным преемникам. К числу таких неразработанных и малоисследованных вопросов русской церковной истории, мы смело можем сказать, принадлежит и интересующий нас теперь вопрос Православной Церкви Галицкой Руси в ее Русский период.

История Галиции естественным образом разделяется на три главных периода: первый — от начала христианства в Галицкой Руси до завоевания ее польским

Профессор МДА В. С. Вертоградов

королем Казимиром Великим (1340), второй — период владычества над Галицией Польши (1340—1772) и третий — период пребывания Галицкой Руси под властью Австрии (с 1772). Нам представляется проследить историю Православной Церкви в Галичине именно в первый (Русский) период ее существования.

Берущемуся писать историю церковных или гражданских событий какой-либо эпохи необходимо бывает прежде всего решить вопрос о том, откуда начинать ему свою историю. В поисках такого исходного пункта ученые-исследователи нередко встречаются значительные затруднения и с трудом находят верную точку. Для нас же этот пункт работы не составил, однако, затруднения, так как начало Червонорусской истории полагается на одном лишь месте летописи под 981 годом: «Иде Володимир к ляхам и зая: грады их — Перемышль, Червен и ны грады, иже суть и до сего дне под Русью» (Ипат. летопись, с. 54).

Поставив это сообщение начальной летописи исходным пунктом своего изложения, мы, естественно, не могли не определить территории этой области, а отсюда уже и проследить все изменения границ Галиции в данный период. Ценным пособием в этом случае нам послужило исследование А. В. Лонгинова «Червенские города» (Варшава, 1885). Для определения границ земель Галицкой и Волынской от середины IX до середины XIII в. мы пользовались учебным атласом, изданным под редакцией профессора Е. Замысловского.

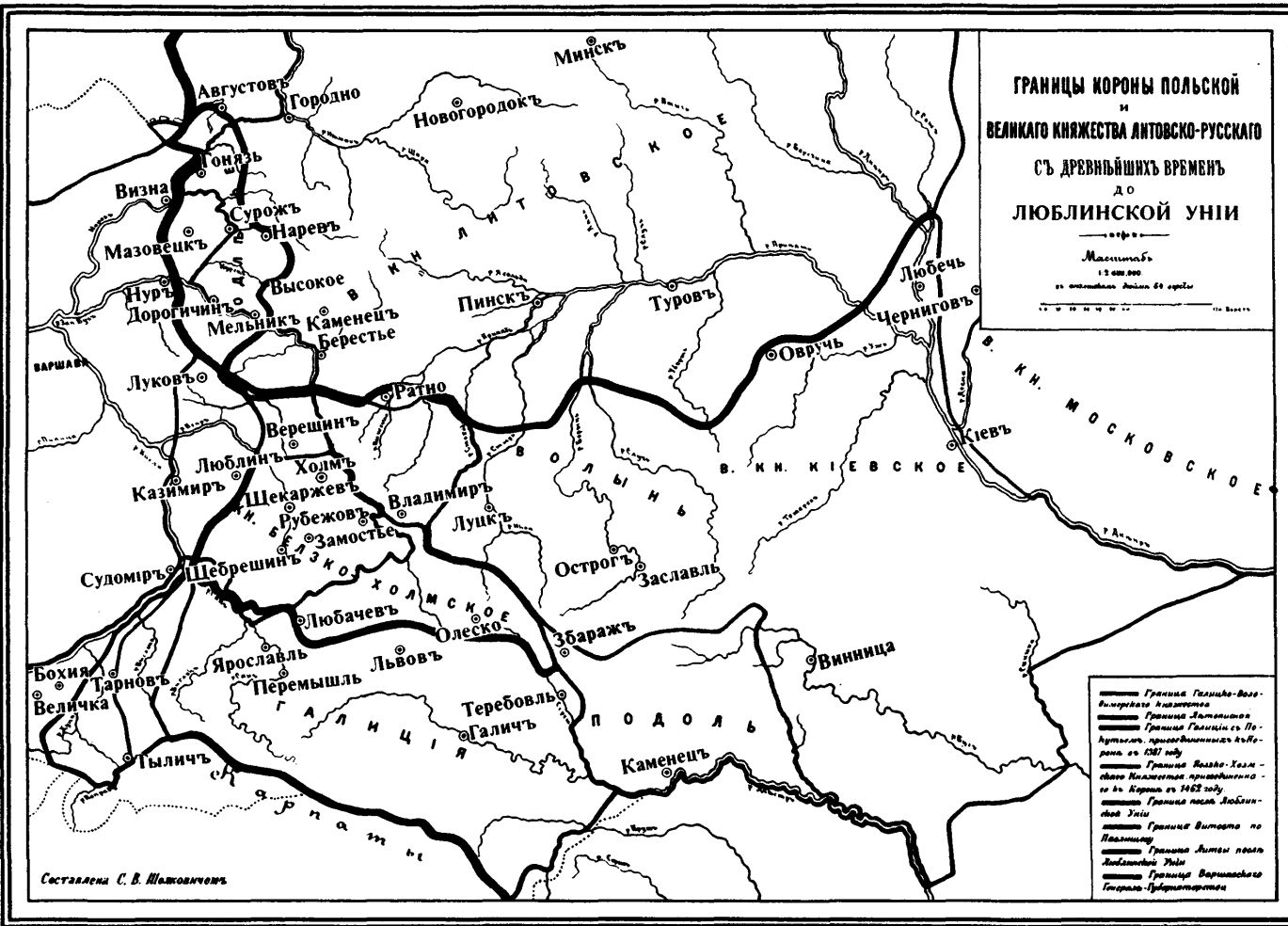
Что же касается определения племен и народностей, обитавших на территории Галицкой Руси, то главными источниками здесь нам явились прежде всего Ипатьевская летопись, а затем труд Шафарина «Славянские древности», т. I—III. Пособиями служили журнальные статьи и ученые монографии. Территориальное определение границ Галицкой Руси и обзорные племен, населявших указанную территорию, составило нам, таким образом, согласно намеченному плану, содержание первой главы.

Вторая глава, где мы главным образом старались описать первоначальную историю христианства в Галиции и доказать то положение, что христианство было принято галичанами в форме греко-восточного исповедания, разделена на четыре отдела. При таком делении мы руководствовались тою основною мыслью, что обзорные церковей, святынь, монастырей и православных епархий Галицкой Руси даст нам более возможности проследить внутренний рост Галицкой Церкви и внешние ее успехи в деле обращения и распространения православной христианской веры.

Большой интерес в истории Православной Галицкой Церкви данного периода составляет римско-католическая пропаганда и борьба с нею поборников Православия и коренных поселенцев Галицкой Руси. Сознывая и оценивая всю важность упомянутых событий в истории Православия Галицкой Руси, мы изложили данный вопрос в отдельной, третьей главе и уделили ему достаточно внимания. У А. С. Петрушевича, в его книге «Историческое известие о церкви святого Пантеленмона близ города Галича» (Львов, 1881), мы нашли латинский текст папских булл изучаемой эпохи, посылаемых папами галицким князьям с целью присоединения Галицкой Церкви к римскому престолу. Более важные буллы нами дословно переведены; из некоторых же мы приводим только содержание главных мыслей, согласно общей конструкции своего изложения.

Изображая далее, в четвертой главе, внутреннее состояние Православной Галицкой Церкви, мы часто встречали глухое молчание в имеющихся у нас под руками источниках. Многие, действительно, стороны внутренней жизни Галицкой Церкви, касающиеся, пожалуй, более частного характера жизни Церкви, нам пришлось оставить без освещения. Что же касается основных сторон внутренней жизни Церкви, как, например, иерархии, управления, недвижимых имуществ, средств содержания церковей, монастырей и духовенства, состояния духовного просвещения и христианской веры и нравственности в Галиции, мы, по силе возможности, изложили на основании имеющихся источников.

Вопрос о Галицкой митрополии, который занял наше внимание в последней, пятой главе, является вопросом, достаточно уже разработанным. Мы имеем прекрасное исследование Н. Тихомирова «Галицкая митрополия» (СПб., 1896) и ученую монографию профессора Московского университета А. С. Павлова «О начале Галицкой и Литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV века» (Москва, 1894). Мы старались быть в изложении этого вопроса, по возможности, краткими и воспроизвели эту лобопытную историю как заключительный аккорд внутренней жизни Православной Галицкой Церкви.

Карта древней Галиции

Г л а в а I

1. Территориальное определение границ
Червонной, или Галицкой, Руси

Область, занимающая территорию между Вислой, Днестром и Западным Бугом, стала известна под именем Червонной, или Галицкой, Руси со времени присоединения ее к русским владениям Владимиром Святым в конце X столетия. Границы Галицкой земли, или Червонной Руси, сложились исторически, и в связи с историческими событиями территория ее претерпевала различные изменения.

Под именем Червенской земли (Червенских городов) многие исследователи понимают чрезвычайно обширную территорию. А. В. Лонгинов, автор специального исследования о Червенских городах, говорит: «С половины XI столетия, наряду с Люблинской землей, на территории Нестровых Червенских городов стали выделяться отдельные области — Брестская, Холмская, Бельзская, Галицкая и Перемышльская. Вся остальная территория, не вошедшая в состав этих областей, сохранила название «Червенской земли». И в другом месте: «Под Червенскими городами наша начальная летопись разумеет обширную страну, заключавшую в себе Галицко-Перемышльскую область вместе с землями Бельзскою, Бужскою, Любачевскою, Звенигородскою и Теребовльскою, Забужные части земли Брестской, земли Холмско-Червенскую и Люблинскую»².

Такое представление о границах Червенской земли основывается на одном лишь месте начальной летописи под 981 годом, которое служит исходным пунктом всех наших исследований о Червонной Руси: «Иде Володимер к ляхам и зая: грады их — Перемышль, Червен и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью»³. Во всех других случаях летопись, говоря о Червенских городах, не дает никаких указаний на размеры их территории (Ипат. лет., с. 101, 105; Лавр. лет., с. 146).

Анализируя летописное известие о Червенских городах, Андрияшев выражение «ины грады» относит только к одному Червну, так как, говорит он, если бы летописец считал и Перемышль за червенский город, то он, конечно, подвел бы Перемышль под понятие Червенских городов, назвав сперва главный город Червен, а затем уже Перемышль и «ины грады»; между тем летописец ставит Перемышль особняком, между какими-то польскими городами⁴. Андрияшев ограничивает территорию Червенских городов позднейшими княжествами: Холмско-Червенским и Бельзским с землей Бужской, которые во все рассматриваемое время находились в известной тесной связи между собой.

Несомненно одно, что Червенская область не могла в X в. входить в состав Польского государства, начавшего зарождаться при Мечиславе I. Лишь Болеслав Храбрый, по свидетельству Матеевского, в 999 г. раздвинул пределы Польского государства до Кракова, принадлежавшего перед тем Богемскому князю Болеславу II⁵.

Опираясь на летописное сказание «иде Володимер к ляхам и зая: грады их — Перемышль, Червен и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью», у нас теперь само собою возникает вопрос: у кого же Владимир «зая Перемышль, Червен и ины грады»? В разрешении этого вопроса, породившего массу всевозможных противоречивых мнений, мы считаем ценными и достаточно обоснованными рассуждения Лонгинова, ссылавшегося, как он сам говорит, на свидетельства Воынской летописи. Защитники того мнения, что Червенские города принадлежали полякам и были завоеваны у них Владимиром Святым, толкуют слова Нестора в том смысле, что «Перемышль, Червен и ины грады» были отняты Владимиром от ляхов, подвластных Мечиславу, т. е. поляков, а по убеждению других, от ляхов, пользовавшихся полною независимостью. Вопреки указанным мнениям, Лонгинов словам летописца Нестора придает такой смысл: Владимир пошел к ляхам и занял, во-первых, их города, во-вторых, Перемышль, Червен и другие города, которые и ныне принадлежат Руси.

Ученый-исследователь сомневается и в том, что Червенская область принадлежала Чехии. Дело в том, что границы Пражского епископства 973 г. (восстановленные в 1086 г.) не могли совпадать с политическими границами Чехии и потому, очевидно, Червенская область, говорит он, находилась тогда в политической зависимости от своих племенных (но не ляхских) князей. Это свое мнение Лонгинов обосновывает, главным образом, на словах Воынского летописца, сказавшего, что до Даниила Романовича «не бе бо в земле Русцей первые иже бе воевал землю Чешьску, ни Святослав Хоробры, ни Володимер Святый». И несколько далее: «Не бе бо никоторый князь Руский воевал земле Чешской»⁶. Таким образом, на основании имеющихся источников и изложенных рассуждений мы можем принять за истинное то положение, что Червенская область не была заселена ляхами и что Червенские города, если принять во внимание вышеуказанную грамоту Оттона II и Бенедикта VI, были в зависимости от Чехов, быть может, только номинальной, управлялись же они своими племенными старейшинами или князьями, пока не было положено начало объединению Червенских городов Владимиром Святым.

Переходя теперь к вопросу об установлении границ Галицкой Руси, мы попытаемся определить объем Червенской страны, присоединенной Владимиром к Русским владениям, которая затем, после завоевания ее в 1018 г. Болеславом Храбрым, снова через 12 лет была возвращена Ярославом и Мстиславом и которая потом уже, в продолжение почти всего рассматриваемого нами периода, была Русской землей.

Народные предания и песни, как памятники наиболее долговечные, из глубин веков подают нам свой голос, считая земли, прилегающие к Висле с востока и с юга, исконным достоянием Руси. По замечанию Костомарова, река Висла в произведениях народного творчества обозначается рубежом между Польшей и Русью. Казаки правый берег этой реки считают как бы наследственным достоянием русского народа. «То было вековое, — говорит он, — глубоко укоренившееся верование»⁷. Этот факт в высшей степени знаменательный; он служит показателем того, что войны, которые вели князья Роман Мстиславич и сын его король Даниил за обладание Люблинской землей, были не следствием алчного стремления к новым территориальным приобретениям, но вытекали из условий племенных. Принимая во внимание указанные памятники народного творчества при определении границ изучаемой нами области, которым в науке придается преимущественное значение перед другими памятниками старины, с несомненностью можно признать, что правое побережье Вислы на всем ее среднем и верхнем течении было гранью, отделявшею население ляхское от других племен славянских, тяготивших к Руси.

Если не принимать в расчет кратковременного владычества Владимира Святого в областях, населенных ляхами и ятвягами, то древнейшая западная граница Червонной Руси, по словам Лонгинова, окаймлялась средним течением Вислы и, переходя через нее где-либо выше Завихоста, захватывала часть Радомской губернии, прилегающую к Висле. Одним из крайних городов на юго-западе был город Тернава (нынешний Тарнов, близ р. Дунаевца). В Тернаве во время войны Шварна Даниловича с Болеславом Стыдливым в 1269 г. была назначена встреча для мирных переговоров⁸.

По мнению некоторых ученых-исследователей, древняя западная граница Руси от племени польского доходила в нынешней Галичине до линии от Кракова до Татр. В этом отношении весьма ценны обстоятельные заключения А. И. Добрянского о юго-западных границах Руси с Польшей и Угрией, сделанные им на основании грамоты, хроник и других исторических, географических и этнографических данных, свод которых представляет нам очень обстоятельным в статье «О западных границах Подкарпатской Руси»⁹.

В самом деле, из летописи преп. Нестора нам известно лишь только то, что Русь граничила в X в. на юго-западе с государствами Польским, Чешским и Угорским: «И бе живя с князи околними миром, с Болеславом Лядьским, и с Стефаном Угрским, и с Андрихом Чешским, и бе мир межю ими и любы»¹⁰. Но начальная летопись не дает точного определения их географических границ, а ограничивается лишь перечислением русских племен, входивших в состав указанных земель.

Как далеко ни лежит теперь за пределами Руси город Краков, однако, мы должны признать, что в старину, в X в., этот город был, по словам указанного автора (Добрянского), пограничным польским укреплением, расположенным близ русской границы, пролежавшей примерно от Бохни через Тымбран к Новому Торгу, а далее по гребням Татр.

К признанию такого направления древней русско-польской границы Добрянского привели многие перечисленные им в статье основания, из которых мы приведем здесь лишь некоторые, наиболее ярко подтверждающие обоснованность данного вывода. Так, в сообщенной Муратором древней грамоте времен Мечислава I (970—990) Краков помещается на границах Руси: *et fines Russiae usque in Scaso*.

В описании путешествия на Волгу доминиканца Рикарда при Беле IV (1235—1270) упоминается *dux magnaе Sandomiriae, quae est terra Ruthenorum* (см. Pray, Dissert. de Hung., p. 316; Descrier Deinitis Hung., I, 170).

В докладе западно-русской униатской иерархии папскому нунцию о состоянии церковных дел в землях западно-русских город Судец (*Sandecium*, польск. Сонч) причисляется к Руси, именно к Перемышльской епархии, подобно Спишу и многим другим городам подкарпатским.

В грамоте Болеслава, князя Краковского и Судомирского, от 1255 г., при пожаловании Краковскому епископу и капитулу нескольких селений в земле Судецкой (Сандецкой), нужным считалось получение на то согласия бывшей королевы Галицкой Соломен: (Pray, Appales R. H. I, 297). Это обстоятельство объясняется принадлежностью пожалованных поместий к Русскому государству.

По свидетельству минорита Константина Мамгорского, говорит далее Добрянский, монастырь *tratum minorum* в Новом Судеце (*Sandecium*) владеет образом Спасителя, писанным на дереве св. Лукою и подаренным русским князем Львом одному карпатскому отшельнику, жившему на том самом месте, где теперь стоит вышеозначенный монастырь. Нельзя допустить, согласно мнению Добрянского, чтобы русский князь подарил такую святыню мо-

наху не православному, а латинскому, который не мог бы даже встретиться с русским князем, если бы Судецкая земля лежала вне Руси.

Краковский прелат Ян Красинский († 1612) в своем сочинении *Polonia* (Собрание Мицлера, I, 418) положительно утверждает, что граница Руси и Польши находится близ г. Кракова.

Все угорские и немецкие писатели времен разделов Польши причисляют всю австрийскую Галицию к Древней Руси, за исключением воеводств Освецимского и Заторского, лежащих к западу от Кракова и входивших в состав областей чешской короны.

Последним и самым убедительным доказательством распространения Древней Руси до самого Кракова, по словам Добрянского, служит то, что и теперь русское население начинается в Галичине от самого Дунайца под Татрами, в близком расстоянии от Кракова, где находятся русские селения.

На основании всех перечисленных данных Добрянский и пришел к своему вышеизложенному выводу, что древняя граница Руси и Польши доходила в нынешней Галичине до линии от Кракова до Татр. Мнение это, по-нашему, тем ценно и важно, что Добрянский подступал к решению поставленной проблемы с непредубежденной точкой зрения. Здравый смысл и законы логики приводят нашего автора к тем же выводам и заключениям, к каким последовательно пришел знаменитый галицкий историк Дионисий Зубрицкий, утверждавший, что Древняя Русь простиралась до самого Кракова, который сам построен, по его мнению, на почве искони русской¹.

Таким образом, принимая во внимание мнение Добрянского и Дионисия Зубрицкого, мнение, которого придерживается и Н. П. Барсов в своих «Очерках русской исторической географии», следует признать, что западная граница с ляхами шла по водоразделу между двумя Вислоками — Сянецким и Вислянским и, захватывая верховья последнего и верхние течения притоков его Ясели и Ропы, спускалась в юго-западном направлении к Карпатам, к истокам Белой Попрады и Дунайца в соседство Кракова.

Рассматривая далее юго-западные и южные границы Галицкой Руси, мы снова встречаемся с большими затруднениями и наталкиваемся на неопределенность имеющегося у нас исторического материала, чтобы проследить дальнейшее продолжение ее границ в Угорщине. Дело все в том, что история Угорской Руси в древнейшие времена остается предметом неразъясненным, а наши летописи, к сожалению, сообщают весьма мало об этой области. «Из событий XII века, — пишет Барсов, — видно только, что Карпаты находились в Галицких владениях (1150; Ипат., 42) и что проходы в них были защищены укреплениями, твердью. В XIII веке на русско-угорской границе упоминаются города: Бардуев (1240; Ипат., 179), Барфельд на р. Тополин, Синеводьск, где-то в проходе Угорско-Галицком, через который галичане бежали в Угры при нашествии татар и где встретил их Даниил, возвращавшийся из Венгрии, Бяня Рудна (1234; Ипат., 175), которая соответствует, кажется, древнему городу Старой Рудне в Быстричком округе Седмиградской области (1282; Ипат., 211)».

Летописи нигде не говорят о принадлежности их к Галицкому княжеству, но такую принадлежность следует допустить, говорит Барсов, «отчасти потому, что они лежали среди сплошного русского населения, отчасти же потому, что летописец упоминает их для обозначения путей из Руси в Угры и, конечно, имел здесь в виду скорее свои, русские города, чем города в чужой земле. Сверх того, в известном списке русских городов, составленном не позже конца XIV или начала XV века, в числе русских городов по сю сторону Дуная указан «Немец в горах» (ПСРЛ, VII, 241), который приурочивается к теперешнему Немети в Седмиградии на Самоше»¹².

Исходя из этих пунктов, отмеченных нашими летописями, Барсов предполагает, что в XII—XIII в. Галицко-Угорская граница проходила на юг от теперешнего Бардиева, или Барфельда, может быть, захватывая Пряшов и Кошицу, по верхним течениям Гернада, Ондавы, Унга, по Бодрогу, через Тиссу и Самош к верховьям рек, вливающих их в Серет. Между тем из хода Червонорусской истории не видно, чтобы галицкие князья в XII—XIII в. делали какие-либо приобретения за Угорскими горами; следовательно, закарпатские славяне присоединены к Русскому государству еще первыми киевскими князьями, так что возникновение Угорской Руси должно отнестись к концу IX и не позже как к началу X в.¹³

Определяя южные границы Галиции, А. И. Добрянский в приведенном выше исследовании поставил себе задачей доказать, что нынешний Спиш входит в состав земель исконнорусских и составляет часть наследия Владимира Святого. Рядом положений, обоснованных данными географическими, этнографическими и церковно-административными, а равно грамотами Угорских королей, Добрянский установил принадлежность Спишской земли сперва к Киевской Руси, а затем, с конца XI или с начала XII в., к Польше и пришел к заключению, что граница русской народности и государства в X и даже в XI в. проходила не по Сану, даже не по Вислоке, а по линии от Кракова до хребтов Татр и далее по их гребню.

Есть, впрочем, доказательства, приводимые Яковом Головацким в его очень интересном исследовании «Карпатская Русь»¹⁴, что первоначальные границы Польши, Угрии и Руси не

были на самом хребте Карпат, а у южной подошвы Карпатского погорья. Аноним, нотариус короля Белы, пишет, что король Стефан заключил договор с владетелем польским насчет границ, проводя линию от города Острохола (слав. *Ostrihom*, лат. *Strigonium*, нем. *Gran*) и Ягра (*Erlau*) к р. Тисе, после по р. Топле к городе Слану (*Soóvar*) возле Пряжева, и здесь они положили границы между Мадьяршиной, Польшей и Русью.

На основании сказания Анонима, нынешняя Угорская Русь может считаться достоянием Владимира Святого.

С самого основания Русского государства, по словам исследователя, всею этою землею владели русские князья Рюрикова дома; они завели здесь русское управление и русский гражданский быт. Уже в XI столетии власть Ростиславичей утвердилась на Карпатском погорье до того, что один из них — Василько Теребовльский — хотел завоевать Польшу и мечтал о дальних походах и войнах с дунайскими болгарями и о победах над половцами (см. Лавр. лет., с. 256). Несчастное ослепление Василька воспрепятствовало ему исполнить эти планы, но они живописно представляют, в каком цветущем состоянии находилась в то время Подкарпатская Русь и как сильно было государство Василька¹⁵.

Из всех имеющихся у нас под руками свидетельств можно только заключить, что Галицкие владения, спускаясь на юг по бассейну Серета, доходили до Килийского и, может быть, даже до Георгиевского Дуная, простираясь вверх по Дунаю вплоть до устьев Серета¹⁶.

Относительно юго-восточной границы от Прута и Дуная до Днестра нет известий. С появлением печенегов и затем половцев эта часть Понтийского побережья, говорит Барсов, по всей вероятности, запустела. Улучи и тиверцы, составлявшие оседлое население теперешнего Буджака, подвинулись на север, оставив поле степным кочевникам¹⁷. Что касается восточной и северной границ изучаемой области, то надо сказать, что они были очень неустойчивы; они всецело зависели от политических отношений князей русских и литовских¹⁸.

Для полного представления территории Галицкой Руси необходимо еще определить границы Люблинской земли, потому что это определение, по словам Лонгинова, составляет одну из важнейших задач топографии Червонной Руси¹⁹. Он же на основании указаний летописей, актов и статутів Замоиского майората определил пределы Люблинской земли в середине XIII в. таким образом: северная граница ее, начинаясь несколько западнее села Воина, тянулась по низовьям Вепря до впадения его в Вислу. Воин принадлежал к Брестской земле и был отобран поляками от Владимира Васильковича (Ипат. лет., с. 586). На севере Люблинская земля примыкала к земле Луковской, принадлежавшей с середины XIII в. к Сандомирскому округу и входившей в состав Мазовии. На западную и южную границы Люблинской земли, говорит он, указывают обстоятельства, непосредственно предшествовавшие взятию Люблина русскими в 1245 г. Даниил и Василько, начав войну с Болеславом, вступили во владения польские четырьмя путями. Даниил воевал около Люблина, Василько — по Изволи и по Ладе около «Белое», дворский же Андрей — по Сану, а Вышата — у Подгорья (в земле Перемышльской). Набрав пленных, вернулись обратно. «И пакы изьдоста и повоеваста землю Люблинскую даже и до реки Вислы и Сяну и приехаша под Завихост». Следовательно, на западе Люблинская земля простиралась до Вислы, а на юге до р. Сана. На юго-восточную границу указывает движение Василька в окрестностях р. Изволи, в Белгорайском уезде, и р. Лады (притока Танава), берущей начало в Яновском уезде, неподалеку Горая, и именно к местечку Белое, около самого Янова, как видно из движения, предпринятого поляками тотчас по возвращении Василька: «Малу же времени минувшу, приехавши же ляхове и воеваша около Андреева», а Андреевка находится недалеко от р. Лады, на юг от Фрамполя²⁰.

Заканчивая свое обозрение о границах Галицкой Руси, мы скажем несколько слов о Волини, или княжестве Владимиро-Волинском, которое во весь почти рассматриваемый нами период входило в состав Галицкой Руси.

Первоначально Владимиро-Волинское княжество, назначенное в удел Владимиром Святым Всеволоду, заключало в себе Волинские земли и те земли, которые впоследствии вошли в состав Перемышльского и Теребовльского княжеств. Согласно летописным показаниям, в таком виде Владимиро-Волинское княжество существовало недолго; в 1087 г. в Перемышле мы уже видим Рюрика Ростиславича: ²¹ по решению же Любецкого съезда 1097 г. Перемышль был утверждён за Володаром Ростиславичем, а Теребовль — за Васильком Ростиславичем²². Таким образом, от Владимиро-Волинского княжества отделилась та часть, которая уже более не входила в состав его, хотя на съезде в Уветичах²³ (1100) и было постановлено возвратить Владимиро-Волинскому князю Теребовль, но постановление это не было приведено в исполнение Ростиславичами.

Границы Волинской земли не были окончательно установленными для всего рассматриваемого нами периода; с течением времени они изменялись. Перемены эти в особенности стали резко наблюдаться с конца XII и начала XIII в., когда в среде самих князей Волинских наметилось серьезное стремление к расширению территории Волинской земли. В то же время при Изяславе Мстиславиче (в XII в.) из Владимиро-Волинского княжества выделяется Луцкое; в конце XII в. обособляется Белзское, а в 1205 г. и в Червене уже сидит князь Всеволод Всеволодо-

вич; с построением при Даниле Холма (XII в.) из Червенской земли выделяется Холмская. Если мы объединим теперь все поименованные выше княжества, группируя их около главных политических центров Червенной Руси того времени, то получим княжества: Холмское с землей Люблинскою; Владимирское с землями Брестскою, Владимирскою и Червенскою; Галицкое с землями Перемышльскою и Львовскою и Белзское с землями Бужскою и Любачевскою.

2. Племена и народы, заселявшие территорию Галицкой Руси

В решении данного вопроса ценным пособием для нас являются наши туземные источники-летописи, выдвигающие на историческую сцену в IX, а еще более в X в. большое множество отдельных славяно-русских народностей в пределах Южной Руси.

Мы видим страну от Карпатских гор до Донецкого края не только занятую довольно многочисленным славяно-русским населением, но и самое население находим уже разбившимся на отдельные племена под многочисленными названиями. Общим названием для славянского населения Южной и Юго-Западной Руси служат не «анты», как было прежде²⁴, а славяне; частные же, более распространенные, такие: северяне, поляне (или русы), древляне, дреговичи, воляныяне (бужане или дулебы), хорваты, улучи и тиверцы. Среди этих ветвей обитало много меньших, не столько известных в истории, отраслей, это: лютичи, пружане, наравяне, поросяне, запоззи, низовцы, лукомляне, бродницы и пр.²⁵

На северной стороне Карпат уже с V столетия упоминается народ, называемый хорватами, и земля их Белая и Великая Хорватия, в которой Константин Багрянородный полагает область, называемую туземцами Бойки. Определяя заселение Восточной Европы, Нестор дает нам сведения о заселении Прикарпатского края славянами; он находит в этих землях тех же хорватов. Таким образом, хотя и нельзя с достоверностью доказать, к какому именно племени принадлежали в древности первые обитатели прикарпатских земель, но поселения славян в них столь древни, что их можно считать первобытными жителями края. Вся топографическая номенклатура Карпатского погорья и близлежащих стран вполне славянская (русская). Все заселенные места, реки и горы, ручьи и холмы, ключи и естественные урочища, поля и луга — словом, все дышит и звучит чистым славянством, и лишь изредка можно найти название, указывающее на временное преобладание других племен.

По свидетельству русских и польских летописей, в IX и X вв. на территории Галицкой Руси обитали русско-славянские племена волянян, бутан, дулебов, улучей, дороговичей, тиверцев и хорватов. Летописец говорит: «Бужане, зане сидят на Бугу, после же воляняне. Дулеби живяху по Бугу, где ныне воляняне и улучи и тиверцы сидяху по Бугу и по Днепру и бе множество их»²⁶. Следовательно, бужане, живущие не только по восточному Бугу, но и по обеим сторонам западного Буга, верхнего его течения, в Волынской, Люблинской и Седлецкой губерниях принадлежат к волянянам и, следовательно, бужане и дулебы — те же бужане и воляняне. Хорваты, или белохорваты, составляют крайний на западе русско-славянский народ, живший по склонам и отрогам Карпатских гор, от которых и получил свое название.

Наш летописец знал хорватов и считал их соседями сербов, когда писал: «А се ти же словени Хорвате белии и Серебень», а сербы, по Шафартику, — то же, что Бужане²⁷.

Нынешние белорусы родственны древним белосербам и белохорватам. Названия некоторых городов и местностей в Белоруссии и между Вислою и Бугом, в нынешней Люблинской губернии и древней Сандомирской области, указывают на существование там белорусских хорватов. Так, в Белоруссии главные города Белосток и Бельск, а в Люблинской губернии — Белополье, Беловоды и пр. — указывают на это. Есть также Белоозеро (Люблинская губ.), Белая река близ устья Вислы, другая Белая река под Годышевом. О названии Хорватии красноречиво свидетельствуют названия древних городов Червенной Руси: Червень, Червенск над Вислою, Червенск, Червоногород и пр.²⁸ Впрочем, в белой и великой Хорватии оставили следы своего совместного пребывания румыны и волохи, о которых русский летописец под 898 годом говорит: «Идоша Угри мимо Киев-гору: ...И пришедше от востока и устремившася через горы великие, иже прозвашеся горы Угорские, и почаша воевати на живущая ту. Седяху бо ту преже словене, и волхове преша землю словенскую»²⁹. По мнению Петрушевича, дулебы, жившие по Северному и Южному Бугу, были румынского происхождения³⁰. Неподчиненность хорватов полякам доказывается еще названием «белые» и тем, что они имели своих особых князей. По изъяснению Машеевского, название народа «белым» означает, что он никакому другому народу не подчинен, а слово «черный», наоборот, показывает рабство³¹. В этом смысле назывались белыми хорваты. Это подтверждается еще тем, что, по свидетельству Константина Порфирородного, хорваты и белохорваты имели своих особых князей³². Жизнеописание одного из них (IX в.), современника первого Чешского христианского князя Боривая, а именно Ивана, королевича Хорватского, написано и напечатано на старославянском и латинском языках³³.

Кроме того, множество древних поселений (IX—X вв.) между Краковом, Сандомиром и Люблином носят совершенно русские названия. Так, Сандомир носил в древности название Судомир³⁴, каковым названием обозначалось, что дела в Судомире решались народным вече, как в древнем Новгороде и других славянских городах. Сандомир есть только польское произношение Судомира. В древней Сандомирской области были и есть теперь села и города с совершенно русскими названиями. У сандомирян в доселе сохранилось много обычаев и песен, напоминающих их русское происхождение; а в Червонной Руси, или Галиции, в колядах, или рождественских песнях, говорится и о Судомире³⁵ и Кракове.

Итак, на территории Галицкой Руси, которая заселена теперь различными народностями, известными под именем русинов, русняков, руженцев, лемков, мазуров, бойков и пр., в эпоху образования Русского государства обитали *славяно-русские племена: поляне, древляне, дреговичи, волыняне (бужане или дулебы), хорваты, улличи и тиверцы*. Киевские князья, подчинив себе племена Восточной Руси, перенесли свои завоевательные стремления на Запад и покорили себе все эти многочисленные племена, обитавшие там с древних времен.

Г л а в а II

1. Первоначальная история христианства в Галиции

Среди насельников Червонной, или Галицкой, Руси — Белой и Красной Хорватии — православная вера распространена была учениками славянских первоучителей святых Кирилла и Мефодия. Внешние причины к распространению здесь православной веры были следующие: Великоморавский князь Святополк находился в постоянной борьбе с немецкими императорами из-за влияния на славян. Немцы старались подчинить славян-язычников влиянию западного склада мыслей и религии и провести это влияние через распространение между ними латинского обряда. Святополк, наоборот, считая себя представителем византийского Православия, образования и склада жизни, видел со стороны Запада опасное соперничество в стремлении овладеть влиянием на славян-язычников и потому желал предупредить и остановить это стремление приобретением союзников из самих славян. Для этого он подчинил своей власти Польшу и Хорватию. А так как прочность союза могла состояться на вере, то Святополк старался через славянских христианских первоучителей Кирилла и Мефодия обратить князей Польского и Хорватско-Русского. Когда Польский князь Попель отказался принять учеников святых Кирилла и Мефодия, они крестили сына Пяста Семовита в Гнезне и содействовали избранию его на Польское княжество. Святополк победил Попеля, изгнав его из пределов Польши, и Семовит, избранный на польский престол, сделался его союзником³⁶.

Есть верные, по словам Лонгинова, исторические свидетельства, что Мефодий во всей прикарпатской стране проповедовал Евангелие через своих учеников³⁷. В Паннонском жизнеописании Мефодия упоминается, что по настоянию его принял крещение «Поганеск князь силен велми седя в Вислех»; в сказаниях о Кирилле говорится, что он проповедовал слово Божие у моравян, ляхов и чехов, по словам же монаха Паисия, Кирилл и Мефодий с своими учениками Климентом, Саввою, Наумом, Еразмом и Ангелярием «собирали речи изредны и прави и от болгар, от сербие, от руси... за много время ловили речи от тия народи докле суоставили Псалтирь и Евангелие и други книги... После же были поставлены епископы в Моравя славяном... тамо были за неколико епископствовали и учили славяны веру христианскую»³⁸.

С 980 г. миссионерская деятельность Мефодия, хотя и была поставлена в границы архиепископства Моравского (грамота палы Иоанна), но на востоке эти границы не были определены, так как задача его состояла не только в расширении церковной юрисдикции и проповедании крещеных народов, но и в распространении христианства среди язычников³⁹. Западные летописцы приписывают первую попытку распространения христианства в прикарпатских странах Трирскому монаху, впоследствии архиепископу Магдебургскому Адальберту, явившемуся проповедником в Червонной Руси после основания императором Оттоном епископства в Майнце, и Пражскому епископу Войтеху. Первого скоро изгнали язычники, а второй был убит.

Войтех, крещенный сначала по славянскому обряду и перекрещенный Адальбертом, был послушным орудием немецко-латинской политики, и в Червенской области деятельность его, так же как и многих других западных проповедников, из коих наиболее известен монах Бруно (в начале XI в.)⁴⁰, направлена была не столько к обращению язычников в христианство, сколько к обращению принявших христианство по греко-восточному обряду в латинскую веру.

Как бы то ни было, все эти повествования приводят к заключению, что не только в Русской стране между Богом и Вислою, но и в завислинской до Кракова — границы русских окраин (*fines Russe extendente usque in Cracoa*), по словам Муратория⁴¹, греческо-славян-

ский обряд был первоначально господствующим, что местное население издревле исповедовало греко-православную веру, крепко ее придерживалось и что во всех частях Древней Руси, как отошедших к России, так и доставшихся Польше, в народе господствовало русское, славянское православное начало.

Существует предание, записанное у Зубрицкого, что святые Кирилл и Мефодий посылали проповедников в Силезию, Польшу и соседнюю Русь. Когда же к концу IX в. Моравское царство совершенно разрушилось, множество славян, исповедовавших Христову веру, оставив Моравию, рассеялись по соседним землям. Часть этих беглецов укрылась и в ближайшей, соплеменной им Русской стране, т. е. в некоторых областях Галиции и древней Волыни⁴². Эти новые пришельцы, естественно, могли передать семена святой веры коренным обитателям Галицкой Руси.

Главная и бессмертная заслуга святых братьев для всего славянского мира, равно и для Галицкой Руси, состояла в том, что они составили славянскую азбуку, выработали письменный славянский язык и перевели на него богослужебные книги Православной Церкви. Этот письменный язык, созданный святыми братьями, послужил орудием для развития собственной письменности у разных славянских племен.

Нам нет нужды подробно говорить о деятельности святых Кирилла и Мефодия среди славян. Достаточно обратить внимание на ту легкость, с которой принимали славяне христианскую проповедь святых братьев, чтобы убедиться в несомненности выбора славянскими племенами восточного исповедания Христовой веры в противовес немецкому латинству. Стоило только солунцам показаться в любой славянской стране, и, словно трава после теплого весеннего дождя, вставали от векового сна тысячи и миллионы людей. Причину того успеха, какой имела везде и всегда проповедь святых Кирилла и Мефодия, безусловно, надо искать только в идеях, приемах и целях апостольской деятельности святых братьев среди славян.

Святые Кирилл и Мефодий явились к славянам совершенно чуждыми политических тенденций и мирских целей, явились апостолами, истинными пастырями, для которых удовлетворение духовных нужд и потребностей пасомых было главнейшей целью деятельности, и носителями идеи духовного единства славян, их силы и мощи. Как истинные радетели о нуждах и потребностях славян святые первоучители славянские прежде всего возревновали о надлежащем научении их христианству и ввели у них церковное богослужение на их собственном славянском языке. Это имело столь важное значение, что немецким священникам после этого не оставалось ничего делать, как только уйти восвояси. Неудивительно поэтому, что все славянские страны, куда только ни появлялись святые братья или их ученики, охотно принимали от них христианское учение, преподаваемое им на понятном для них языке. И, кажется, за исключением полабских славян⁴³, нет ни одного славянского племени, которое бы не принимало участия в духовной трапезе, уготованной святыми первоучителями.

Известный в польской истории составитель Хроники Матвей Стрыйковский, живший во второй половине XVI в., пишет: «Владимир Святославич принял крещение от митрополита, посланного с востока патриархом, и с того времени все русские народы, находящиеся в Белой, Черной, восточной, полуношной и полуденной Руси, твердо и непоколебимо стоят в христианской вере, по обрядам и уставу греческим, под верховною властью Константинопольского патриарха»⁴⁴. Таким образом, в конце X в. мы находим уже прямые и достоверные свидетельства, что православная вера христианская озарила Галицко-Волынскую область во дни равноапостольного князя Владимира. Послушные воле своего государя, русины в 987 и 988 гг. толпами крестились, тем более что Божественная служба в целом государстве совершалась на родном славянском языке.

Одновременно с введением христианства на Руси устроена была Владимиром Святым духовная иерархия под властью Киевского митрополита, подчинявшегося в свою очередь Цареградским патриархам, и учреждена в 992 г. епископская кафедра во Владимире Волынском, ведению которой принадлежала не только вся Волынь, но и нынешняя Галиция (Червенские города) и вся страна между Бугом и Вислой (впоследствии Люблинская земля), что продолжалось около 130 лет⁴⁵, когда стали учреждаться новые епископии.

2. Храмы Галицко-Волынской области

Крестив Русскую землю, Владимир Святой, по свидетельству летописи, «повелел рубити церкви по градам». После городов, конечно, тотчас же было приступлено к селам⁴⁶. С полной вероятностью можно предполагать, по словам проф. Е. Е. Голубинского, что в 25-летнее правление Владимира церковью по городам и селам было построено столько, что ими удовлетворялась насущная нужда. После Владимира об этом заботился Ярослав.

К концу XI в. на юге и юго-западе России уже и по деревням стояли христианские храмы.

Между важнейшими средствами к распространению и водворению православной веры в различных городах и областях России были в руках Владимира разделение Русской земли на уделы и раздача их своим сыновьям в управление под верховную власть самого Владимира.

Летопись насчитывает до двенадцати сыновей Владимира Святого. Владимиро-Волынская область, в состав которой входила и нынешняя Галиция, досталась его сыну Всеволоду⁴⁷.

Находясь под верховною властью своего отца, они должны были иметь непосредственный надзор за отдельными славяно-русскими племенами и областями, производить здесь суд и расправу на общих для всех областей основаниях и правилах, сглаживать, таким образом, отличительные особенности и разногласия между отдельными племенами, приводить их к созданию народного единства и внутренней, духовной связи между собою и быть живыми звеньями и посредниками во внутреннем объединении и общении всех славяно-русских областей не только между собою, но и со стольным городом Русского государства. А так как главной связующей силой Русского государства, по мысли святого Владимира, должна быть православная вера, то сыновья его прежде и более всего должны были позаботиться о распространении и утверждении этой веры в своих уделах. Раздавая сыновьям уделы, Владимир Святой «посла с ними священники, заповедавая сыном своим, да каждое во области своей повелевает учить и крестить людей и церкви ставити, иже и бысть».

В 992 г., как уже было сказано выше, во Владимиро-Волынском была учреждена епископия. В этом же году Владимир ходил войною на возмущивших хорватов, живших в верховьях реки Днестра, и посетил город Владимир-Волынский. К этому времени местное предание относит построение Владимиром Святым во Владимиро-Волынском каменной церкви, которая по христианскому его имени названа и доселе называется Васильевскою. Предание говорит, что эта церковь построена войском Владимира после похода его в Польшу (против хорватов) в благодарность Богу за одержанную победу. Святому же Владимиру приписывают построение во Владимиро-Волынском Успенского кафедрального собора, а также того храма, развалины которого и доселе находятся в одной версте от города, на урочище «Старая кафедра», и основание Печерского на Волини, или Святогорского, монастыря. Последний находился в нынешнем селе Зимном, в пяти верстах от г. Владимира.

Удельные князья после крещения русского народа при Владимире заботились о процветании христианской веры на Руси и стремились к умножению в своих уделах церквей и монастырей, наделяя их разного рода движимой и недвижимой собственностью. Из древних православных храмов г. Галича, на основании свидетельств летописей и уцелевших памятников Галицкой старины, можно отметить следующие.

1. *Спасская церковь*. Ипатьевская летопись, описывая последние часы жизни Галицкого князя Владимира (род. в 1152 г.), пишет: «Володимир поиде к божици, к святому Спасу по вечернюю, и якоже бы на переходех до божицы, и ту виде Петра, едуща и поругася ему... И отпевше вечернюю Володимир поиде от божицы»⁴⁸. Божицею в древности назывались домовые церкви князей, часто вообще храмы, а равно и те, в которых они слушали церковные службы, почти всегда на полатях или на хорах, соединявшихся с княжеским дворцом посредством переходов⁴⁹. На развалины Спасской церкви указывают теперь изыскатели Галицкой старины⁵⁰.

2. *Богородицкая церковь*. В Ипатьевской летописи под 1187 г. читается: «Того же лета преставился Галицкий князь Ярослав сын Владимирь, месяца октября в 1-й день, а во 2-й день положен бысть во церкви Святые Богородицы»⁵¹. Этот храм был соборным, и в нем в 1208 г. был возведен на княжеский стол знаменитый Даниил Романович, князь Галицкий. Эта церковь носила название Успенской и сожжена была татарами⁵². Восстановлена она только в 1825 г.⁵³

3. *Монастырь святого Иоанна*. Ипатьевская летопись под 1189 г., описывая смерть раненного в войне с венграми князя Ростислава, говорит: «Урге же усмотривше то (что ранен) и приложивше зелье смертное к ранам, и с того умре и положива и (его) в церкви святого Иоанна и причтесе к дедом своим и ко отцем своим». Последние слова летописи показывают, что в церкви святого Иоанна были похоронены предки князя Ростислава и что эта церковь весьма древняя. Где в Галиче стоял этот монастырь, неизвестно⁵⁴.

4. *Церковь святого великомученика Пантелеимона*, построенная знаменитым князем Даниилом Галицким около половины XIII в. И другие.

В Перемышле в продолжение XI—XVII столетий (до принятия унии) было до 30 церквей. А это наилучшим образом свидетельствует о ревности к Православию русских перемышльских князей и народа. Если в княжеском городе было так много православных церквей в древние времена, то, несомненно, много церквей было и в его окрестностях.

В середине XIII в. в Червонной Руси получает важное значение город Львов, построенный русскими князьями Даниилом и Львом. Подобно другим русским важным городам, в продолжение XIII и XIV столетий он украшался одиннадцатью монастырскими и приходскими православ-

ными церквями. Много храмов было и в других городах Галицкой Руси, например в Холме. Драгоценнейшей святыней Холмского собора была и доныне служит чудотворная икона Божией Матери. По древнему преданию, эта священная икона написана была евангелистом Лукою. Справедливости этого голоса древности доказываются и сходством этой иконы с другими, написанными святым Лукой, и величайшим благоговением к ней христиан с самых древних времен. А каким образом очутилась в Холме эта икона, на это голос седой древности отвечает так, что эта икона подарена была греческими императорами князю Владимиру вместе с другими драгоценностями, которые он получил в приданое за царевной Анной. Свидетельство об этих приданных дарах есть и в Хронике польского историка Длугоша. Известно также, например, что в числе их находилась икона Спасителя, поставленная недалеко от Холма, в том месте, где теперь, говорит униатский Холмский епископ Яков Суша (1662—1682), селение Спасово (praedium Salvatoris) с небольшой, но очень древнею церковью. А другие священные предметы, как-то: животорящий крест, мощи святых, чудотворные иконы — Владимир Святой разослал по другим местам, в которых он основывал церкви и епископии (в том числе Холмскую и Бельскую); ими он украсил и защитил эти города, говорит Суша, как твердыми стенами. Но многие из этих священных предметов погибли во время бедствий, постигших Россию; между другими и упомянутый образ Спасителя.

Что Холмская икона Божией Матери написана евангелистом Лукою, подтверждает и самый характер изображения. Лик Божией Матери на Холмской иконе поражает молящегося изображающимися в нем и смирением и величием, внушающими страх и вместе любовь; лицо несколько продолговатое, смуглое, даже черное, но приятное. Если исключить только эту последнюю черту (т. е. слишком большую смуглость), то лик Божией Матери на Холмской иконе окажется совершенно сходным с описанием лица Божией Матери у церковного историка Никифора (Hist. Eccles., с. 23).

Причина указанной темноты лика Божией Матери заключается как вообще в древности этой иконы, так и в том особенном обстоятельстве, что при взятии Холма неприятелями (вероятно, татарами) церковь была разрушена, и самая икона была ограблена, и больше ста лет она находилась под развалинами стен, отчего повредилась и самая живопись, а на лике Божией Матери (именно на ланите и на левом плече) остались следы ударов копыя; на левой ноге Божественного Младенца виден также удар копыя. Только лет приблизительно за 20, говорит Суша, начала снова украшаться эта икона и шедрыми подаяниями украшена великолепно.

С этой глубокой древностью Холмской иконы Божией Матери совершенно согласно и благоговейное почитание, которое воздавали ей христиане с самых первых времен христианства на Руси. Доказательством этого, между прочим, служил хранящийся во времена Суши при холмском соборе «Помянник», в котором мы находим записанным огромное число знаменитых западно-русских и литовских фамилий. «Помянник» этот интересен для нас и в другом отношении — как новое доказательство прежнего Православия этих фамилий, окатоличившихся впоследствии.

В «Помяннике» записаны также митрополиты Киевские: Петр (1307), Феогност (1328), Алексей (1340); епископы: Вассан Владимирский, Евфимий Полоцкий, Димитрий Луцкий, Афанасий Перемышльский, Антоний Удмурский, Евфимий Пинский, также многие Холмские епископы и между ними: Василий Бака, процветавший во времена Сигизмунда I.

По древнему обычаю Греческой Церкви, говорит Суша, почившие воспоминаются Церковью четыре раза в год и имена их по «Помяннику» тихо читаются на святой литургии.

Эпоха бедствий народных есть вместе с тем и время проявления чудодейственной силы иконы Холмской Божией Матери. В XIII столетии, т. е., вероятно, во время первого нашествия татар на Галицкое княжество, две девицы, холмские княжны, при виде несметных вражьих полчищ обратились к Пресвятой Деве с молитвой о защите города от разорения и дали при этом обет, в случае избавления от опасности, обновить за свой счет соборную церковь, в которой находился образ Пресвятой Богородицы, вступить тут же в монашество и посвятить остальную жизнь свою Богу. Ввиду наступающего неприятеля жители Холма вынесли на городские валы чудотворную икону и начали с пением и молитвами обносить ее вокруг горы, где стояла церковь. Татарам показалось, что город укреплен высокими, неприступными стенами и башнями, а гора, которой нужно было овладеть, поднимается до самых облаков. Под влиянием страха они побоялись сделать приступ и, постояв немного, отступили. Событие это подтверждается и известием Ипатьевской летописи, где под 1259 г. есть свидетельство о том, что татары не могли взять Холм и отступили от города. В 1261 г. упоминается второй раз о нашествии, окончившемся под Холмом также неудачей. Благочестивое предание избавление это опять приписывает покровительству чудотворной иконы. Но застигнутый врасплох Холм наконец был взят варварами и разграблен. Церковь пострадала более всего, но при этом грабителям, снявшие с иконы серебряную ризу и вывувшие из нее драгоценные камни (причем некоторые были выбиты, очевидно, острым оружием, оставившим следы на самой живописи и доске, особенно на левом плече Богоматери), за такое святотатственное дело были поражены во время самого преступления слепотою и какою-то мучительною болезнью. Вообще история Холмской чудотворной иконы,

записанная в местные летописи и хроники, тесно связана с историей всего Холмского края. Ограбленная, как выше сказано, татарами в начале XIV в., она долгое время (около 100 лет) оставалась в развалинах и мусоре, отчего, конечно, не могла не пострадать еще больше. Найденная потом по указанию Божию она торжественно была перенесена в кафедральную церковь и помещена в нижнем ярусе иконостаса, с правой стороны царских врат. Здесь была сделана когда-то решетка, у которой обыкновенно ставились молящимися свечи. Дым и копоть от этих свечей также немало портили икону. В XVII в. Мефодий Терлецкий снял решетку, а в XVIII в. и сама икона перенесена была в алтарь и поставлена на стену за престолом, где и находилась до последнего своего помещения над царскими вратами, в подвижной раме, за стеклом.

Чтобы оценить значение этой великой святыни для древнего Православия Западной и Юго-Западной Руси, надо обратить еще внимание на то обстоятельство, что простой народ, крестьянство всей Холмской Руси и за пределами ее вся надбужная Волянь и Галиция массами собирались в Богородичные праздники, особенно из года в год к 8 сентября, дню храмового праздника, и здесь в молитвах у «чудотворного Холмского образа» изливали свою душу перед Богом, получая утешение в жизненных невзгодах и в разного рода бедах и напастях. Будучи средоточием Православия для всей Холмщины и далеко за ее пределами, Холмская икона Пресвятой Богородицы воспитывала в народных представлениях и убеждениях русские православные идеалы и хранила древние многовековые предания. Благоговейным чувством ее вся Западная и Юго-Западная Русь сплачивалась, по словам свящ. Будиловича, в единстве веры и любви до такой степени, что холмские латинские епископы буквально бежали от «затруднений», а дюжина капитульных прелатов не могла помочь горю, и это продолжалось в течение целых столетий.

Что касается древних церквей и святынь соседней Люблинской земли, то мы, к великому сожалению, имеем очень мало положительных сведений.

Главным оплотом Православия в Люблине и его окрестностях до конца XVII столетия была Спасо-Преображенская церковь. Точных сведений о ее первоначальном основании не существует; можно сказать лишь только то, что церковь эта имеет за собою глубокую давность. В дарственной записи православному Люблинскому братству от 29 июля 1599 г. князь Юрий Чарторыйский выразил, что церковь Преображения Господня в месте Любельском на Чвартку «з веков давних уфундована и збудована»⁵⁵.

Заканчивая обзор православных храмов и святынь в Галицкой Руси изучаемого периода, мы можем отметить тот факт, что потомки Владимира Святого благочестивые князья Червонной Руси не менее других князей Южной и Северо-Восточной Руси ревностно были к храмам Божиим в деле их умножения и благолепия. На протяжении всего рассматриваемого времени в Галицкой Руси мы видим со стороны русских князей энергичную деятельность, направленную на украшение своих городов святыми храмами, в которых они видели твердый оплот Православия. Храмы воздвигались по всем городам и селам Галицкой территории, где только была возможность и где, действительно, чувствовалась и сознавалась острая необходимость. Особенное же усердие галицко-волянских князей к постройке новых и возобновлению старых церквей самым ошутительным образом проявилось после татарского опустошения. Так, о Данииле Романовиче летописец замечает: «Созда грады многи и церкви постави и украси я различными красотами»; также и о его племяннике Владимире Васильковиче говорит, что он «многи монастыри созда, созда же и церкви многи», и, кроме того, многие церкви наделил иконами, дорогими книгами и сосудами»⁵⁶.

3. Монастыри Галицкой Руси

Монашество есть цвет христианства, высшее его проявление. Как в первые времена христианства открылось высшее проявление духа христианства в мученичестве, так в последующие времена, когда христианство восторжествовало над язычеством, вместо мученичества явилось подвижничество благочестия. Из среды христиан выделялись люди, которые искали высших подвигов духовных, жаждали высочайшего наслаждения небесной жизнью в тиши уединения и пустынной жизни по тому образу, какой начертал святой апостол Павел. «Пройдоша, — говорит он о ветхозаветных подвижниках веры, — в милотех и в кознях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: их же не бе достоин весь мир, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных» (Евр. 11, 37, 38). Так было на Востоке и Западе, так было и на Руси. Вслед за крещением, говорит митрополит Иларийн в своем «Слове о Законе и Благодати», «монастырево на горах сташа и черноризцы явишася». Феодосий еще в Курске «бе послышал о монастырех Киевских и пришед обходи монастыри вся»⁵⁷.

Из свидетельств древности мы знаем, что в самые первые времена христианства на Руси паломники, отправляясь для поклонения святым местам в Иерусалим и на Афон, видели там монастыри и подвижников. Монастыри могли быть заведены у нас при самом равноапостольном князе Владимире не только в Киеве, но и на Воляни и в Галиции. На это есть летописные указа-

ния. Когда святой Антоний в XI в. пришел с Афонской горы в Россию, он уже застал в ней монастыри и обходил эти монастыри прежде, чем избрал себе место для жительства там, где теперь стоит Киево-Печерская Лавра⁵⁸. Указывают, что один из этих монастырей есть монастырь Зимненский (теперь село Зимно, находящееся в пяти верстах от города Владимира-Волынского). Там и доныне сохранилась помонастырская церковь одинаковой кладки с стенами Владимирского собора, построенная в 1000 г. и возобновленного в 1865 г.; а также терем великого князя Владимира и «чудотворная икона Божией Матери», которой, как гласит предание, благословил Константинопольский Патриарх царевну Анну на брак с просветителем Руси — Владимиром. Под Зимненской церковью находятся пещеры наподобие Киевских. Этот монастырь иначе назывался Святогорским и Печерским на Волини⁵⁹.

Первые монастыри возникли в Киеве. По словам Нестора, в 945 г. уже была церковь св. Илии, Киево-Николаевский монастырь учрежден при Ольге. Из Киева церкви и монастыри распространились повсюду на север и юг Русской земли.

В этом отношении не отстала от прочей Руси и Подкарпатская Русь — древняя Хорватия.

Владимир Великий, покорив (в 892—893 гг.) галичских хорватов и крестившись, ходил с двумя епископами для крещения народа и утверждения его в христианстве. После разорения г. Червня в Холмской Руси он основал Владимир-Волынский и учредил русское епископство, кажется, перенесенное из Червня⁶⁰. В XI столетии учреждено епископство в Перемышле, в XII в. — в г. Галиче, в XIII — в Угровске, потом перенесенное в Холм. Уже в XI и XII столетиях были основаны многие обители и скиты для благочестивых подвижников в Галичско-Львовской, Перемышльской и Белзской земле.

Предаваясь молитве и аскетической жизни, многие из христиан полюбили уединенную жизнь, приспосабливая безлюдные места, удобные для молитвенного уединения и благочестивого созерцания духовного мира, добродетельной жизни и назидания новообращенных и укрепления их в вере и в христианской жизни. Они приготавливали себе пещеры, поселялись в них и до того полюбили пустынножителство, вдали от житейских забот, что оставались навсегда пустынноиками (анахоретами). Строгая аскетическая жизнь подвижников, простая обстановка, глубокое знание священных книг привлекали не только народ, но и знатных людей, даже самих князей, искавших у них назидательных советов, боговдохновенных наставлений и укрепления в вере и моральной жизни. Нередко бывали между ними люди, отличавшиеся необыкновенным красноречием, ученостью, добродетельною жизнью и вдохновением.

Когда же со временем собралось больше благочестивой братии, аскеты собирали их вместе и строили общежительные жилища или монастыри, в которых монахи подвизались под общим уставом, предписанным учредителем монастыря.

В основание устава святого Василия Великого положены: общежитие, нестяжательность, молитва, труд, чистота жизни и сыновнее повиновение старшим.

Самые древние монастыри на Руси — это Михайловский монастырь в Киеве, основанный митрополитом Михаилом, крестителем Русской земли, Киево-Межигорский, основанный монахами, пришедшими с ним; затем Выдубицкий и знаменитый Киево-Печерский; в Новгороде — Перунь (монастырь), построенный на том же месте, где было трбище Перуна; в Ростове — Авраамиев монастырь; наконец, Загоровский Свято-Рождественский — близ Владимира-Волынского — упоминается в житии преп. Феодосия (1071 г.)⁶¹.

С течением времени наклонность к монашеской жизни росла повсюду. В XII и XIII вв. значительно умножилось число монастырей. Люди высшего сословия — бояре, даже князья — принимали схиму. Так, князь Святослав (1106) постригся в монахи, затем князь Игорь (1146), Святослав Киевский (1194), Всеволод Мстиславич (1195), Давид Смоленский (1197); в XIII в. — князь Владимир Всеволодович (1227), Давид Муромский (1228), Мстислав Мстиславич (1228) и многие другие⁶². Княжны, дочери великого князя Всеволода, Янка (1086) и Евпраксия (1106), дочь великого князя Святослава (†1116), две дочери Владимира Мономаха, Евфимия, бывшая в супружестве за королем венгерским Коломаном, некоторое время сидевшим на престоле в Галиче (1138), и Мария, бывшая супруга греческого царевича Леона (1146); Евфросиния, княгиня Полоцкая (1173), Мария Казимировна, дочь польского короля (1179), супруга Всеволода Черногого — Евфросиния, сестра великого князя Всеволода (1206), жена смоленского князя Давида (1197), жена киевского князя Рюрика (1206), жена Галицкого князя Романа (1213), жена Владимирского князя Константина (1218), жена князя Святослава Мстиславича, внука Даниилова (1228) и другие — все постригались в монахини и вели примерную монашескую жизнь с такой строгостью, какую замечаем только в первые времена монашеской жизни на Востоке⁶³.

В домонгольский период уже существовали в Галичине многие монастыри. Так, вблизи г. Галича находился монастырь святого Иоанна Крестителя, в котором был похоронен князь Ростислав Иванович, убитый мадьярами (1189), также отец его — Иван Берладник и дед его Ростислав Володаревич, умерший в 1126 г.

По преданию, при князе Данииле Галицком существовали монастыри во Львове, Георгиевский и Онуфриевский, также монастырь в Данилове и Подгорский на Плесниску.

В Батьево нашествие почти все древние монастыри были разрушены. В самом Киеве и во всех местах, куда переходила монгольская орда, сожжены и разорены вместе с цветущими городами и селами также и монастыри. «Разрушены Божия церкви, осквернены священные сосуды, попорана святыня, святители сделались добычею меча, тела преподобных иноков брошены в пищу птицам», — говорит епископ Серапион (Слово 3).

До конца XIII в. на всем пространстве Русской земли, покоренной монголами, не было построено почти ни одного монастыря. Только в Галицко-Владимирском княжестве, которым владел Даниил Романович, своими победами внушивший уважение к себе даже самого Батюя, возникло несколько монастырей. В это время упоминаются монастыри: Башевский (1244), Полонинский в Карпатах, Онуфриевский в Лаврове (1270), во Львове — Георгиевский (1272), Онуфриевский, Михаиловский (1292), Созанский и Спасо-Преображенский, во Владимире-Волинском — Богородичный, Михаиловский, св. Апостолов и другие. В особенности же необходимо упомянуть о Верхратском монастыре св. Петра, Федорова сына. Он родился в Белзской земле на Волини; на седьмом году от рождения отдал его родитель учиться книгам, на 13-м году жизни Петр постригся в одном из местных монастырей, удостоился диаконаства и священства, славился смиренном и другими добродетелями и упражнялся в иконописании. Произведениями своей кисти он снискал себе уважение Галицко-русского князя, митрополита Максима и русских вельмож. Предаваясь богомыслию, Петр нашел себе уединенное место на реке Рате в Белзской земле и там построил монастырь, в котором был первым игуменом. По смерти Максима он был избран Галицко-русским князем Юрием Львовичем в митрополита, отправился в Царград, где хиротонисован патриархом Афанасием в митрополита всея Руси. Но, возвратившись в отечество, из-за угрожавшего Киеву беспокойствия и татарского нашествия в 1309 г. он переселился во Владимир на Клязьме, а потом в Москву, где в Успенском соборе покоятся его мощи.

Князья Галицко-Волинские наделяли монастыри и церкви земельной и иной собственностью, и такое наделение являлось, помимо всяких других соображений, необходимою еще и потому, что при церквях и монастырях находились госпитали, странноприимные дома и дома для бедных. На содержание всех этих учреждений необходимы были, конечно, средства, и в большинстве случаев такие средства доставляли церквям и монастырям разные лица, преимущественно князья и отчасти богатые люди, через пожалование движимого и недвижимого имущества.

4. Древние православные епархии на Волини и Червонной Руси, их число, состав и пределы

Разделив Русскую землю в наследие сыновьям своим, Владимир Святой намерен был послать в города «епископы во исполнение благочестия» и потому, посылая сыновей в уделы их, заповедал им, между прочим, советоваться с епископами. Но собственно на Волини при Владимире Святом учреждена была одна только епископская кафедра во Владимире-Волинском, подчиненная Киевскому митрополиту, хотя были здесь части и других соседних епархий.

Епископская кафедра во Владимире-Волинском учреждена была в 992 г., ведению которой принадлежала не только вся Волинь, но и тогдашняя Червонная Русь, что продолжалось около 130 лет⁶⁴, когда стали учреждаться новые епископии.

Такие обширные пределы Владимирско-Волинской епархии не были единственными в России не только в древние, но и в новейшие времена. Так, древняя Новгородская епархия обнимала собою весь север России; Ростовская была единственною на северо-востоке, Черниговская простиралась до Рязани. Тобольская епархия в начале XVIII столетия простиралась на всю Сибирь до Китайских границ⁶⁵. Несмотря на такие обширные границы, Владимирско-Волинская епархия не терпела никакого ущерба или неудобства в епархиальном управлении, потому что имела постоянные сношения с Киевскою митрополиею и со всею русскою иерархией.

Из православных епископов Владимирско-Волинской епархии в рассматриваемый нами период известны: Стефан I (с 992 г.); Стефан II, святой, ученик преп. Феодосия Печерского, рукоположен в епископа Киевским митрополитом Иоанном. Скончался во Владимире в 1094 г.; Амфилохий (рукоположен митрополитом Никифором 27 августа 1105 г. Скончался в 1122 г.); Симеон (рукоположен из старцев Печерских в 1123 г. Скончался в 1136 г.); Феодор (скопец; посвящен в епископа в 1137 г., присутствовал на Киевском Соборе 1147 г.); Иоасаф (из постриженников Святогорского Владимирского монастыря; рукоположен около 1229 г.); Василий (тоже из постриженников Святогорского монастыря; Никифор Станило (из бояр князя Василька); Косма; Марк (с 1271 по 1287 г.); Евсигней (с 1287 по 1289 г.); Афанасий († 1363 г.).

Кафедральным собором епископов Владимирских была церковь Пресвятой Богородицы, которая до Мстислава Изяславича, вероятно, была деревянная, а этим последним построена каменная⁶⁶.

На всем пространстве Волинской и Червонной Руси до 1141 г. была одна православная Владимирско-Волинская епархия. Из нее около 1141 г. выделилась Галицкая епархия, около 1220 г. —

Перемышльская, в 1205 г. — Угровская, переведенная в 1223 г. в Холм, и, наконец, в 1288 г. — Луцкая⁶⁷. Таким образом, из одной епархии в Галицко-Волынской княжестве образовалось пять: Владимирская, Галицкая, Перемышльская, Холмская и Луцкая.

Выделение и образование новых епархий на Волыни и Червонной Руси требовалось самим положением Владимирско-Волынской епархии. Огромное пространство, которое она занимала, препятствовало надлежащему порядку и ходу епархиального управления. Образование удельных уняжеств Галицкого, Перемышльского, Холмского и Луцкого, сосредоточивая гражданскую власть в столицах княжеств, указывало на необходимость открытия там и епископских кафедр для управления духовными делами в княжествах. Но, кроме этих общих причин умножения епархий в Западной Руси, побуждением к тому служила еще опасность римско-католической пропаганды.

Глава III

Римско-католическая пропаганда и борьба с нею в Галицкой Руси

История Галицкой Церкви в рассматриваемый период представляет для нас много интересного вследствие возникшей в то время борьбы Православия с католицизмом. Борьба эта неизбежно должна была возникнуть в силу того, что обширное Галицко-Владимирское княжество, просвещенное светом Христовой истины в форме греко-восточного исповедания веры, находясь в соседстве с Венгрией и Польшей, уже по самому своему положению и по своим политическим отношениям более сталкивалось с католичеством, нежели прочие русские княжества.

Венгерское королевство в рассматриваемое время было самым близким соседним государством Галиции. Угры с давних пор, кажется, со времени св. Стефана, присваивали себе права на Червонную Русь и предъявляли их при каждом случае, употребляя в то же время средства к распространению в ней латинства. К несчастью для Галицкого княжества, в нем образовалась противонародная партия бояр, которые готовы были для своей выгоды отдать престол чужеземцу и на которых всегда могли рассчитывать мадьяры.

С другой стороны стояла Польша, точнее Краковско-Сандомирское княжество, которое было тем же по отношению к прочим польским княжествам, чем Киевское в отношении к прочим русским, т. е. первопрестольным. Сношения Галицко-Владимирского княжества с Венгрией и Польшей то дружественные, то враждебные происходили непрестанно. Русские князья выдавали своих дочерей за венгерских и польских князей и брали в замужество княжон венгерских и польских. При слабом развитии политического сознания в то время это имело большое влияние не только на личную дружбу и вражду государей, но и на государственные дела и на политические союзы. Русские князья, лишившиеся уделов или изгнанные из своих пределов, русские княгини, покинутые мужьями или оставшиеся без защиты, искали убежища в польских княжествах и в Венгрии. И, наоборот, польские князья при таких же обстоятельствах искали помощи и защиты у русских. При родственной близости многих Пястовичей и Рюриковичей молодые русские князья нередко воспитывались при польских и польские при русских княжеских дворах. Папа и латинское духовенство пользовались всеми этими обстоятельствами для распространения своего владычества в стране, которая не подчинялась их власти, для приведения ее под власть римского престола.

Если можно, говорит И. Чистович, согласиться с Зубрицким в том, что в то время в Польше, как и на Руси, господствовала совершенная терпимость вероисповеданий и что в намерении правительства не было фанатического гонения других исповеданий⁶⁸, то нельзя сказать того же о польско-латинском духовенстве, которое всегда фанатически относилось к вероисповедным вопросам, не делало никаких уступок и не обнаруживало никакой терпимости в отношении к другим исповеданиям. Папа и латинское духовенство никогда не знали других целей, кроме подавления всех иных исповеданий и распространения повсюду своего духовного господства⁶⁹.

Притязая на верховное господство во всей христианской Церкви, папы делали попытки, говорит проф. Е. Голубинский, подчинить себе все христианские народы, не признававшие их власти. Если попытки не удавались по отношению к целым народам, они обращались к попыткам частной пропаганды между ними, чтобы посредством частного соращения пролагать путь общему подчинению⁷⁰. Нет, кажется, страны в мире, по словам другого исследователя — Малышевского⁷¹, которой бы не изведали римско-католические миссионеры. Ревность их не знала препятствий и опасности, побуждала их проходить море и сушу, чтобы сотворить единого пришельца, пытаться счастья в неприступном Китае, пустынях Африки, островах Океании. Католические календари, словари святых, биографии и истории орденов представляют сотни имен, прославленных миссионерством в разных странах, у разных племен, самое открытие или первое описание которых нередко принадлежит именно этим миссионерам. С гордостью указывают на эту

пропаганду римско-католические писатели как на признак жизненности католичества, присутствия в нем апостольского духа, которого будто бы лишено восточное Православие.

Для нас этот дух ревностной римской пропаганды объясняется иначе. Объясняется отчасти уже тем практическим духом латинских христиан, какой они наследовали еще от древних римлян и какой побуждал латинских учителей ревновать особенно о внешних успехах, пространственных завоеваниях Церкви в мире, тогда как восточные учителя, углубленные более в созерцательную сторону христианства, истошали свою христианскую ревность в тончайшем определении догматов и борьбе с противными им учениями и системами.

1. *Уверения некоторых римско-католических писателей, будто бы русские обращены в христианство латинскими миссионерами. Доминиканец Яцек (Иакинф) Обровонж — мнимый апостол земли Русской и его миссия*

У некоторых римско-католических писателей существуют уверения, будто бы мы, русские, а галичане тем более обращены в христианство латинскими миссионерами и, только отщепившись от латинян, перешли на сторону греков. В связи с этим стоит у них целый ряд преувеличенных или просто вымышленных сказаний о действиях и успехах католической пропаганды. Достаточно припомнить здесь одно сказание, которое, принадлежа к наиболее древним и любимым у римско-католических писателей, вместе с тем превосходно выражает общий характер этого рода сказаний. Это сказание о Бруно-Бонифации, которому латинские писатели продолжают усваивать громкий титул русского апостола. Надо заметить, что о миссии Бруно, насколько она касается России, имеются два современных и достоверных свидетельства. Это собственное письмо Бруно к германскому императору Генриху II, писанное им на обратном пути из России (в 1007 г.), и свидетельство Дитмара, сверстника и соученика Бруно.

В письме сам Бруно о своем пребывании в России рассказывает только, что, став епископом для проповеди Евангелия язычникам, он побывал в Венгрии и направился к печенегам. На пути туда он прибыл к двору государя руссов, великого державою и богатством и уже христианин. Тот целый месяц удерживал его при себе, отговаривая Бруно от миссии к печенегам, как дела опасного. Но Бруно настоял и отправился; тогда государь с вельможами проводил Бруно до своей границы, оказав все внимание своему гостю, принимающему такой опасный подвиг. Опасности действительно грозили Бруно, однако он успел обратиться около 30 печенегов и содействовал заключению мира между печенегами и русским государем, к которому и возвратился. Здесь Бруно поставил для печенегов епископа из своих спутников, с которым русский государь отправил к ним своего сына в заложники мира. Затем Бруно отправился на проповедь к пруссам⁷². Итак, во всем своем рассказе Бруно не дает и намека ни о проповеди, ни даже о намерении проповедовать в России, для русских: целью миссии его были язычники-печенеги, потом — пруссы.

Дитмар, после краткого очерка жизни Бруно, упоминает лишь о конце миссионерской деятельности Бруно и говорит, что, проповедуя в Пруссии, Бруно на границе ее и Руси принял мученическую кончину вместе с 18 своими товарищами. Опять о проповеди Бруно на Руси ни слова. Но через лет 30 из известий и слухов о пребывании Бруно на Руси выросла целая легенда об апостольстве его на Руси, переданная Петром Дамиани в житии св. Ромуальда, писанном около 1040 г. Вот она. Бонифаций — родственник императора Оттона III и ученик св. Ромуальда. В Италии он приготавливается к апостольскому служению, размышляя о недавних подвигах св. Адальберта-Войтеха, епископа пражского, проповедовавшего в земле пруссов. Желая идти по следам его, он берет в Риме у папы благословение и принимает епископский сан. На пути своем через языческие страны он поражает язычников суровостью своих подвигов, мужеством и силою слова так, что наводит на них страх. Придя в Россию к самому царю руссов, он начинает здесь свою проповедь. Царь, видя его босым, одетым в рубище, думает, что он хочет ремеслом нищенства собрать богатство, и обещает ему дать это богатство, если Бонифаций откажется от своего ремесла. Бонифаций в другой раз явился к царю уже одетым в дорогие святительские одежды. Выведенный этим из прежнего заблуждения, царь предлагает ему пройти среди двух горящих костров с тем, что если он останется невредим, то сам царь и народ уверуют его проповеди, если же пламя коснется проповедника, то царь сожжет его совершенно. И Бонифаций торжественно прошел среди костров, не потеряв даже ни одного волоска. Тогда царь и все зрители бросились к ногам его и настоятельно просили крещения, которое и принял тут царь с множеством народа. Однако брат царя умертвил проповедника, но и он, скоро раскаявшись, принял крещение, и русские построили церковь на могиле мученика⁷³.

В легенде этой, называющей Бруно лишь его монашеским именем Бонифаций, принятым при пострижении в обители Ромуальда, замечательны для нас две черты: это, во-первых, характер образования самой легенды. Если мы скажем, что рассказы о миссии Бруно-Бонифация через 30 лет после нее и притом вдали от ее поприща — в Италии, где писано житие Ромуальда, легко могли исказиться, преувеличиться и принять характер легенды, то само собою возникает вопрос: почему писатель жития Ромуальда так легко усвоил эту легенду и внес ее в это житие? Именно

потому, что она как раз подходила к цели жизнеописателя. Петр Дамиани был сам учеником и глубоким почитателем Ромуальда, основателя ордена камалдулов. Потому в жизнеописании его он готов был воспользоваться всем, что могло бы служить к большей славе его учителя и основателя ордена. К такой славе служили и рассказы о мнимых подвигах на Руси Бруно-Бонифация, тоже ученика Ромуальда. Петр Дамиани не только усвоил их охотно, но, вероятно, был отчасти и творцом их⁷⁴. В легенде его замечателен, во-вторых, тот общий характер латинского миссионера, с каким представляется здесь Бонифаций. Греческий миссионер, по рассказу нашей летописи, обращает Владимира просто, без чуда или грозного знаменья, лишь силою благодатной беседы своей, которую он с помощью картины Страшного суда приводит князя в сердечное умиление, располагает его к свободному и сознательному принятию веры, а не к рабскому и немому преклонению перед учителем ее. Напротив, латинский миссионер, уже на пути своем наводивший страх на язычников, до того устрашает русского государя и окружающих его, что они падают к ногам миссионера и униженно просят крещения. Устрашает он их чудом; но тогда как в византийском сказании о чуде, окончательно обратившем Аскольда и Дира, греческий епископ, вызываемый к совершению чуда, по смирению, неохотно приступает к тому, да и само это чудо совершается над Евангелием, латинский епископ сам выступает с чудом, которое притом совершается над собственной особою его. Легенда о Бонифации служит прототипом еще одной интересной для нас легенды об известном проповеднике и апостоле земли Русской — доминиканце Яцке (Иакинфе — Hyacinthus) Одровонже.

Личность этого проповедника католичества обращает наше внимание, главным образом, потому, что, по рассказам большинства биографов Яцек (Бзовий, Ходыкевич и др.), доминиканские миссионеры, предводительствуемые Яцеком, вошли на Русь через Галицию. Бзовий и Ходыкевич говорят, что он отправился на Русь по поручению папы Григория IX в качестве комиссара или даже легата апостольского седалища и во главе учрежденной им русской миссии под названием *Societas Fratrum peregrinantium*. Исследователь И. Малышевский, разбираясь в сказаниях о Яцке его биографов, для краткости приводит следующие слова Ходыкевича, повторяющего и свидетельство Бзовия: «Не меньшие подвиги и чудеса явил Гиацинт (Hyacinthus) в России в обращении язычников и схизматиков, когда исполнял апостольское поручение папы Григория IX. В Россию прибыл он в исходе 1233 г. с многочисленным обществом иностранцев, и на первый раз в городе, называемом Львов, где находится теперь митрополит русский, он, по свидетельству достойного всякого вероятия писателя польского Бзовия, построил с своими товарищами малую церковь святого Иоанна Крестителя, а сам отправился в Галицию (Галич), отстоящую на 12 миль от Львова. Прибыв в Галицию, он, как говорит Бзовий, супругов — короля Коломана и королеву Соломию — обязал обетом девственной чистоты и научил их повиноваться верховному римскому первосвященнику. И как в городе Львове, названном после Лембургом, так и в Галиции на реке, названной у поляков Днестром, а у латинян Тиром (Tugas), устроил монашеские общества проповедников, из которых после вышли мужи апостольские, знаменитые мученики и другие достойные мужи, занимавшие различные кафедры. Россия полагала, что это уже конец странствования, которое предположил себе Гиацинт. Но он, так сказать, едва только начал его, ибо, просветив Россию, он отправился в Молдавию, Валахию, Дакию, Болгарию, Куманию (страну половцев) до самых пределов Черного, или Евксинского, моря, как свидетельствует Кроазет, где основал монастырь в Кафе, некогда называемой Феодосиею: отсюда — в Константинополь, в старину называвшийся Византией, где также основал монастырь, далее направил путь к островам архипелага, где также основал монастырь на острове Хиосе. И везде посрамлял заблуждения, истреблял схизму, искоренял идолопоклонство, ниспровергал магометанство, являл торжество католической веры. Оттуда повернул он на великую Русь, посетил Владимир-Вольнский, Житомир, Овруч, Чернигов и другие российские города, просвещая их, наконец, пришел в Киев, митрополию русскую, в царствование Владимира II, князя Киевского, слепой дочери которого даровал свет душевный и телесный и, по его позволению, занял место на Болони, где соорудил храм Богу в честь Преподобной Девы Марии и первый установил чтение часов. Сие подтверждают грамоты, данные российскими князьями святому Гиацинту, из которых многие, писанные золотыми буквами, хранились в Чернигове, как упоминает Окольский. В России Гиацинт крестил великое множество неверных и бесчисленное множество схизматиков возвратил в недра Церкви»⁷⁵.

Таково сказание о пропаганде Яцек и его миссии доминиканских писателей, в котором Яцек Одровонж чувствуется и признается просветителем Галицкой Руси. Имела ли и могла ли иметь Яцек миссия в Галицкой и соседней Руси тот самый успех, какой придают ей доминиканцы, конечно, сомнительно, но сказание о том, что доминиканские миссионеры, предводительствуемые Яцеком, вошли на Русь через Галицию, можно принять с большой вероятностью, ибо Галицкая Русь с XIII в., действительно, служила довольно удобным поприщем для латинской пропаганды, в которой, наконец, могли принять участие и доминиканцы.

Дело пропаганды, как полагает И. Малышевский, облегчалось здесь, главным образом, частым вмешательством соседних венгерских и польских властителей в дела Галицкой Руси, в бывшие из-за нее усобицы русских князей и другие смуты, вмешательством, которое не раз

оканчивалось захватом областей и городов Галиции то венграми, то поляками. Рим, зорко следивший тогда за политикой католических государей и часто даже управлявший ею, не упускал случаев направить и политику покорных ему венгерских и польских властителей к целям латинской пропаганды на Руси, которой в то же время интересовалось и местное латинское духовенство, искавшее для себя завоеваний так же, как искали их князья и государи⁷⁶.

После коварного убийства поляками в 1205 г. знаменитого Романа Мстиславича между князьями русскими открылись не раз уже повторявшиеся споры и усобицы из-за Галицко-Волянского княжества, к которым присоединились внутренние смуты в самом Галиче, поднимаемые здесь некоторыми крамольными боярами, переневавшими дух феодальных притязаний от вельможе соседней Венгрии и Польши. Среди этих усобиц и смут вдова Романова с двумя сыновьями-малютками искала покровительства то у Андрея, короля венгерского, то у Лешка Белого краковского. Оба они, казалось, обнаружили жалость к вдове и детям Романа, принимались попеременно защищать права их; но затем эгоизм вытеснил у них эту жалость. Андрей решился сам овладеть Галичем и послал управлять им своего палатника Бенедикта Бора, который управлял так, что галичане прозвали его томителем, антихристом: он мучил бояр и простых граждан, сладострастною своею не знал границ. Тогда галичане призвали на помощь русских князей и Бенедикт бежал в Венгрию; но скоро, после новых смут, Андрей и Лешко, дотеле соперники, условились породниться и разделить Галицию. Сына Андрея — молодого Коломана женили на 3-летней дочери Лешка — Соломии⁷⁷ и посадили княжить в Галиче, а Перемышль и Любачев взял себе Лешко. Это было в 1214 г.

Теперь-то представился самый благоприятный момент и открылись надежды для латинской пропаганды. В том же году Андрей венгерский писал к папе Иннокентию III, что народ и князья галицкие, подданные Венгрии, испросили у него сына его Коломана в государи себе и обещают быть в единении с Римскою Церковью и покорности ей с тем, однако, условием, чтобы папа не отменял их древних священных обрядов и дозволил им отправлять богослужение на языке славянском⁷⁸. Но так как может случиться, прибавляет король, что такое благоприятное для нас расположение их еще переменится, если не поспешить исполнением его, то он просит папу не присылать для сего нарочитого легата, что затнуло бы дело, а поручить соседнему стригонскому епископу короновать Коломана в государя Галиции и принять от него присягу в покорности Римской Церкви. Итак, король сам боялся за искренность указанного расположения галичан; а из последних дела видно, что это расположение было не в сердцах галичан, а в расчетах Андрея, который, заискивая перед папой, тогда раздаятелем корон, обольщал его надеждами на унию в Галиции. Действительно, когда стригонский архиепископ, пишет Н. М. Карамзин, именем премирника Иннокентиева — Гонория III возложил в Галиче королевский венец на сына Андрея и Соломию, сей новый государь, исполняя волю отца и папы, изгнал епископа Российского, священников наших и хотел обратить всех жителей в веру латинскую⁷⁹, каковое насилие, по замечанию И. Малышевского, объясняется только нерасположением галичан к уни⁸⁰. Скоро обнаружилось и нерасположение их к самому Коломану, по поводу чего Нарушевич выражается так: «Нет ничего более непрочно, как вера толпы. Не понравился галичанам Коломан, как чужой и католик. Венчание его по латинскому обряду, двор его, состоявший из латинян же, внушили хитрому и подозрительному народу опасение, что венгры истребят его народность и веру»⁸¹.

Комментируя эти слова Нарушевича, И. Малышевский говорит, что эта неприязнь к Коломану доказывает именно прочность привязанности галичан к своей вере и народности и что не нужно было с их стороны особенной хитрости и подозрительности, чтобы видеть грозящую им опасность. К несчастью венгров, Андрей поссорился с герцогом Лешком, отнял у него Перемышль с Любачевом и возбудил в нем столь великую злобу, что он, вопреки узам крови, искал в России сильных неприятелей зятю. Таковым представился ему Мстислав Удалый, Новгородский, который в 1215 г. изгнал Коломана. Благодаря новым несогласиям между русскими князьями Коломан скоро опять возвратился в Галич и продержался в нем до 1219 г. Правление Коломана, с удовольствием смотревшего, по взятии Галича, на головы русских бояр, повергаемые к его ногам вместе с их золотыми цепями, не могло быть легким для Галича. Венгры выражали величайшее презрение к русским. Надменный барон «Фила», прибывший в 1217 г. для подкрепления Коломана, говорил о россиянах в пословицу: «Один камень избивает множество глиняных сосудов. Острый меч, борзый конь, и Русь у ног моих»⁸². Но не спасли его ни острый меч, ни борзый конь, когда в 1218 или в начале 1219 г. прибыл к Галичу Мстислав Удалый в союзе с Даниилом Романовичем, уже возмужавшим и теперь зятем Мстислава. К Галичу, кроме венгров, пришли ляхи и чехи: похоже было на крестовый поход, потому что при войсках находились знатные прелаты польские, такие, как известный Викентий Кодлубек, епископ краковский, также Иван Одровонж, каноник и канцлер, которые, однако, успели в пору убежать по разбитии Мстиславом венгерского войска. Галич взят Мстиславом, и сам Коломан с Соломией попались в плен и отвезены в Торческ, где и пробыли около трех лет. «И была в Галиче радость великая, — говорит летописец, — спас Бог от иноплеменников; ибо одни венгры и ляхи были побиты, другие взяты в плен, иные в бегстве

потонули, иных, наконец, побил простой народ, так что никто из них не ушел. Такова милость от Бога Русской земле»⁸³.

Жалко только то, замечает Н. М. Карамзин, что Мстислав был более воин, нежели политик: был слишком доверчив и легко поддавался влиянию сильных и хитрых политиканов, допуская в последнем случае неблагоприятные поступки. Не любя мятежных галицких бояр и не любящих ими, Мстислав сначала хотел возратить Галицию Даниилу, желаемому народом. Но некоторые хитрые вельможи, тайные друзья Венгрии, опасаясь, что Даниил Романович, если ему достанется Галич, не потерпит в них того самоуправства, которое уже полюбили они, засмотревшись на панов польских и венгерских, поселили в Мстиславе недоверие к зятю; представили ему, что Даниил возьмет Галицию как наследственное достояние Романовых детей без всякой особенной признательности и, с годами возрастающей в силах, в честолюбии не уважит благотворителя. Один из таких крамольных бояр галицких — Судислав, плененный вместе с Коломаном и сумевший снискать особенную доверенность Мстислава, склонил его к миру, неожиданно выгодному для венгерского короля. Согласились, чтобы меньший сын Андреев, именем также Андрей, женился на дочери Мстислава, которой в приданое отец назначил спорную Галицию, а сам взял Познысье. Н. М. Карамзин делает здесь основательное предположение, что Мстислав, заключая это несчастное условие, старался по крайней мере охранить чем-нибудь безопасность Церкви Греческой⁸⁴. Во всяком случае Мстислав горько всю жизнь раскаивался в своем поступке перед Даниилом, думал исправить его, но не успел, скончавшись в 1228 г., после чего венгры захватили и Познысье. Как ни силился Даниил отнять у молодого Андрея Галич, последний продержался в нем до самой кончины своей в 1234 г. Теперь по единодушному призыву галичан Даниил стал княжить в Галиче, хотя венгры еще будут тревожить его здесь, иногда даже отнимать у него Галич для других русских князей, желая поддерживать раздробление и усобицы на Руси.

Интересно, как отнеслась к этим событиям римская пропаганда. Как ни был постыден договор Мстислава с Андреем 1221 г., папа не рад был ему. Когда король Андрей известил о нем Гонория III, прося по обычаю согласия на брак сына своего с дочерью Мстислава, Гонорий потребовал не исполнять договора под предлогом малолетства жениха и невесты и возратить Галич Коломану, связанному клятвой водворить унию в Галиче. Лешек краковский также хотел, чтобы стол Галицкий остался за зятем его Коломаном, а не за братом Андреем. Отец последних, однако, не мог или не хотел исполнить требование папы, и Коломан с Соломией, возвратясь из русского плена, уже не княжили в Галиче, хотя и могли бывать здесь при младшем брате Андрее в напрасном ожидании развязки вопроса о галицкой короне, пока, наконец, получили от отца, неизвестно, впрочем, когда, удел в Далмации и Кроации, зависевших тогда от Венгрии⁸⁵.

Доискиваясь связи Яцековой миссии с политическими обстоятельствами Галиции и теми лицами, на каких указывают доминикане и польские писатели, исследователь И. Малышевский пришел к предположению, что обстоятельства эти могли подготовить Яцекову миссию, что указанные лица могли иметь влияние на эту подготовку, но не могли еще вводить миссию в Россию, что, наконец, для самого открытия миссии последовала удобная пора в 1228 г., к которому и приурочивают начало ее другие источники.

Прибытие Яцека в Галицию доминиканские писатели относят именно ко времени княжения в ней Коломана и Соломии, которых он будто бы связал обетом девства в супружестве, утвердил в повиновении Римской Церкви и при которых основал здесь свои общества с костелами. Им же, особенно Соломии, приписывают доминикане содействие Яцековой миссии. В этих утверждениях И. Малышевский находит очевидные ошибки и вымыслы.

Прежде всего, Яцек не мог быть и начать миссию в Галиции во время княжения Коломана и Соломии: оно кончилось в 1219 г., а миссия Яцека началась не ранее 1228 г. Независимо от Яцека и притом тогда, когда он не был еще доминиканцем, принято Коломаном и Соломией в 1214 г. обязательство повиновения Римской Церкви, утверждать в котором не было надобности Соломию, представляемую у ее биографов восторженной католичкой с ранних лет. Плодом этой восторженной набожности представляется у последних и обет девства в супружестве, принятый Соломией по собственной воле, а не по внушению Яцека. Вообще старание доминиканцев представить столько прославленную в польских религиозных сказаниях Соломию воспитанницей Яцека, по словам И. Малышевского, выражает только желание их прибавить лишний луч славы своему герою. Нарушевич, имея в виду кратковременное княжение Коломана в Галиции, на место его ставит отца Соломии — Лешка краковского пособником в поддержке Яцековой пропаганды. «Короткое владение на Руси венгерца, — говорит он, — немного оказало помощи к введению в ней религии римской. Более заботились об этом князья польские — Лешек Белый и его дочь Соломия, королева галицкая: они-то ввели в Русь и до Киева недавно основанный орден доминиканский, который под ревностным предводительством св. Яцека Одровонжа поляка много содействовал там к возвращению религии католической»⁸⁶. Нарушевич, однако, сам подрывает свое предположение, полагая, что Лешек был убит уже в 1227 г., следовательно, за год до начала Яцековой миссии. Если бы

даже убийство его можно было отнести к 1229 г.⁸⁷, то все-таки нельзя сказать, что он вводил Яцекову миссию во внутреннюю Русь — даже до Киева, так как власть его никогда не простиралась так далеко. Но если Коломан, Соломия и Лешек не могли быть непосредственными проводниками Яцевой миссии на Русь, то они могли, говорит И. Малышевский, подготовить ее, могли быть не чужды замыслам о ней.⁸⁸

Мысли о латинской пропаганде, обязательство которой приняли на себя вместе с галицким венцом Коломан и Соломия, не угасли, конечно, и по утрате ими этого венца и дождались Яцека. Почти трехлетнее пребывание Коломана и Соломии в русском плену в Торчке (Киевской области) в 1219—1221 гг. могло еще распалить в набожной Соломии католическую ревность об обращении Руси, которая притом была родственна ей по матери Гремиславе, дочери одного из русских князей⁸⁹. Хотя по возвращении из этого плена Коломан и Соломия уже не княжили в Галиции, но могли по временам жить в ней при младшем брате Коломана Андрее. В этом довольно жалком положении Коломану и Соломии оставалось отличаться и утешать себя услугами римской пропаганды, которых притом могло поддерживать заступничество за них Рима, требовавшего возвращения им венца галицкого, по преимуществу ради наложенного на них при короновании в 1214 г. обязательства римской пропаганды на Русь. Помыслы о ней могли занимать их и в Кракове, где они, как полагает И. Малышевский, жили теперь еще чаще, чем в Галиции, и где участником этих замыслов мог быть и Лешек, столь признательный и покорный своему духовенству и Риму и также не оставлявший пока надежд на возвращение зятю и дочери галицкого венца. В эту же пору, т. е. между 1221 и 1227—1228 гг., мог сойтись, рассказывает И. Малышевский, со всеми ними в затаях пропаганды и Яцек, уже успевший приобрести громкую известность в Кракове и Польше и горевший ревностью пропаганды. Особенное значение ему при Лешек, Коломане и Соломии мог придать столько покровительствовавший ему дядя Иван Одрованж, бывший еще в сане каноника канцлером при Лешек, бывавший и в Галиче при Коломане и Соломии в 1218 г., а теперь еще более влиятельный как епископ краковский и вообще как член сильной тогда фамилии Одрованжей.

Но если таким образом возможно допустить, что Яцек, поддерживаемый Лешек, Коломаном и Соломией, мог замышлять пропаганду еще при жизни Лешака до 1228 г., то понятно также, почему до этого года он не мог открыть самой миссии в Галицкой Руси. Только в этом году скончался Мстислав Удалий, который, отдав в 1221 г. зятю своему Андрею венгерскому Галич, выговорил, однако, как полагает Н. М. Карамзин, неприкосновенность Православной Церкви. Но с 1228 г., когда по смерти Мстислава Андрей еще более укрепился в Галиче, занял даже Познись, для пропаганды и Яцевой миссии настала пора более привольная. И хотя не было уже Лешака, а смерть Мстислава не возвратила Коломану и Соломии галицкого венца, но сам Андрей с галицким венцом перенимал от них обязательство римской пропаганды и, следовательно, должен был поддерживать Яцека, если последний явился теперь в Галиции с своими доминиканцами.

Таким образом, можно с большею вероятностью предполагать, учитывая изложенные политические обстоятельства, что Яцек с своею миссией мог явиться на территории Галицкой Руси не ранее 1228 г. как самого благоприятного момента для распространения здесь латинства.

Каковы же были успехи римско-католической пропаганды Яцевой миссии в Галиции? Если доверяться вполне доминиканским сказаниям и существующим у них преданиям о миссии Яцека Одрованжа, то можно, конечно, представить успехи пропаганды весьма значительными. Например, Бзовий и Ходыкевич прямо утверждают, что Яцек, прибыв в Галицкую Русь, «просветил» ее монашеством. Между тем дело обстоит совершенно иначе. Сказания доминиканцев, находясь во взаимных и хронологических противоречиях, доказывают лишь то, что в данном случае мы имеем дело с материалом весьма подозрительным, решительно не позволяющим основывать на нем прочные выводы. Судя по описаниям подвигов и успехов пропаганды, как они излагаются в орденских источниках, невольно спрашиваешь, замечает Малышевский, каким образом доселе весь мир не покорен папству. Это, кажется, должно бы быть, если бы не оказывалось, что огромная часть рассказов о подвигах и успехах римско-католической пропаганды — не более как легенды, даже намеренно сложенные и пущенные в ход вымыслы⁹⁰. Так, ничем не подкрепляются, например, сказания орденских источников о костелах и монастырях, основанных здесь Яцеком, кроме позднего доминиканского предания. Мы, наоборот, из древних источников знаем, что в Люблине, например, как упоминалось выше, почти до конца XIII ст., по единогласному утверждению польских летописцев, латинских костелов вовсе не было. Ученый и трудолюбивый исследователь истории Галицкой Руси Д. Зубрицкий собрал из местных памятников и привел в систему точную хронологию основанных в Галиции латинских церквей, по которой древнейшие из них не восходят далее конца XIV в. Список этот подлинный и официальный находится в архиве главной Львовской капитулы. Из него выясняется, что древнейший латинский костел основан был в Глинях в 1397 г. и, следовательно, в царствование Ягела; другие же — гораздо позже, как, например, в Кули-

кове — в 1399 г., в Бугаче — в 1401 г. и т. д. А где не было костелов, там, справедливо замечает Д. Зубрицкий, не могло быть и епископства. Следовательно, заключает он, если в столь обширной Львовской архиепископии до 1397 г., в котором основан первый приходский костел в Глинных, не было ни последователей латинской веры, ни костелов, то как же могли они быть почти двумя веками ранее? Что же касается монастырей, то самый древнейший — францисканский монастырь Святого Креста; доминиканцы же явились гораздо позже⁹¹. Если же могли быть здесь латинские костелы, например, при Андрее, когда открылась Яцекова миссия, то они отняты были теперь, полагает И. Малышевский, у православных, как и в 1214 г. при Коломане и Соломии. Конечно, от ревности Яцека или вообще доминиканцев можно ожидать замысла об основании своего костела с монастырем, но он мог быть только одним из таких костелов, которые и впоследствии основывались на Руси доминиканцами, францисканцами, иезуитами как стоянки или опоры для видов будущей пропаганды. Прихожанами его могли быть разве пришлые в Галицию римо-католики из венгров и поляков, не прозелиты из русских. И замечательно, что тогда как таких прозелитов, приобретенных будто бы Яцеком в Киеве, биографы его называют даже по именам и родам, в Галиции не сумели они подыскать ни одного даже имени или рода, так что заставляют Яцека утверждать в повinovении Римской Церкви только Коломану и Соломию, остальную же Русь вообще только просвещать⁹².

Помимо своих утверждений об основании Яцеком костелов и монастырей, доминиканцы говорят еще о латинской епископской кафедре в Галиции как новом доказательстве успехов его миссии и о епископах, поставленных по рекомендации или старанию его и Соломии. Так, Бзовий называет Бернарда из Кремы, рекомендованного будто бы в Львовские епископы Яцеком еще в 1208 г. и замученного здесь язычниками. Окольский называет еще другого Бернарда в 1217 г., также мученика. Но эти, не заслуживающие опровержения доминиканские сказания о епископах, по замечанию И. Малышевского, показывают только, как странны бывали промахи историков Яцека и русской миссии⁹³.

Затем называют еще Герарда (около 1232 г.), назначенного Григорием IX в русские bishopы будто бы по просьбе русских, старанию Соломии и по умножении Яцеком латынян на Руси, но его назначают большей частью для Киева, а не для Галича, поэтому мы не станем останавливаться на этом сказании. Большого интереса для мысли о латинской кафедре в Галиции заслуживает булла Григория IX, писанная в 1232 г. к архиепископу гнезненскому и епископу краковскому и плочкому, с вопросом: полезно ли будет перенесение кафедры из Галича в Львов? Хотя могут быть сомнения касательно подлинности этой буллы⁹⁴, но и допустив ее, мы все же найдем в булле Григория лишь проект латинской кафедры в Галиции для епископа еще будущего, для которого притом Галич не считался местом безопасным, между прочим, от схизматиков, несмотря на то, что здесь властвовал латинский государь Андрей. Таким образом, не только вероятно, но совершенно несомненно, замечает И. П. Филевич, что до 1232 г. на Руси никакого католического епископа не было. Посылая 15 марта 1233 г. два письма «братьям проповеднического ордена на Руси», Григорий IX в одном из них дает им до прибытия папского легата особенные преимущества насчет разрушения от некоторых важных грехов.

Следовательно, еще в 1233 г. папа лишь собирался отправить туда своего легата, а в булле 12 мая 1234 г. видим опять жалобы папы на немногочисленность деятелей католической пропаганды, вынуждающую его снова предоставить доминиканцам особенные полномочия⁹⁵.

Можно теперь, кажется, на основании всего сказанного с полным ручательством сказать, что латинская пропаганда Яцека в Галиции была безуспешна; более того, она была противна и крайне обременительна для здешних православных, о чем так красноречиво свидетельствуют буллы папы Григория IX, ярко определяющие характер отношений галицких и соседних русских к латинству и латинской пропаганде. Для иллюстрации приведем здесь наиболее характерные.

В булле от 1231 г. папа Григорий IX ставляет на вид некоторым высшим духовным чиновникам в Польше, в том числе провинциальному приору доминиканского ордена, что, «по слухам, польские владельцы изобрели новый род угнетения бедных, а именно: они поручают им стеречь бобров и соколов, и если эти последние, увлекаемые естественным инстинктом свободы, оставят прибытные места своих гнезд или потеряют какое-либо из детенышей их, то владельцы облагают бедных поселян пеней в 70 марок, а это для последних служит источником вечной гибели. Ибо, не стерпя такого беззаконного и неслыханного рабства, бедняки эти переходят к зловерию русских и пруссов, убегая от сожительства с верными, т. е. римо-католиками». В заключение папа поручает указанным духовным лицам унимать жестоких владельцев угрозой отлучения. В булле от 1232 г. к архиепископу гнезненскому и провинциальному приору польских доминиканцев папа поручает им угрозы церковного суда отклонять польских князей во время междоусобных войн своих от призыва к союзу русских и других врагов католической веры, которые среди войны совершают многие бесчиния и, как люди, не знающие пути Господня, даже разоряют католические церкви⁹⁶.

В этих буллах Григория IX для нас прежде всего очень важен самый факт их адресации к главным представителям доминиканского ордена; он служит прямым показателем того, что дело пропаганды латинства в Галицкой и соседней Руси было вверено Римом преимущественно доминиканцам, почему именно им и поручается справляться со всякими обстоятельствами, имеющими то или иное отношение к их прямому делу. Вместе с тем эти буллы Григория IX являются новым подтверждением действительного существования организованной доминиканской миссии для Руси в ту именно пору, к какой приурочивается миссия Яцека его биографами.

Но, главным образом, церковно-историческая ценность этих булл заключается в том, что они раскрывают нам и красноречиво доказывают, насколько, действительно, преувеличены или просто вымышлены сказания доминиканцев о громких успехах своей пропаганды. Миссия эта, по буллам папы Григория IX, сопровождалась очевидными и резкими обнаружениями полного нерасположения русских к латинству и латинской пропаганде и твердости их в своем Православии. Наконец, характерно и замечательно в этих буллах то, что папа нигде, при всей склонности католиков к преувеличениям, не мог похвалиться успехами пропаганды; наоборот, с большой горечью он сознается и констатирует факт массового отлива людей, особенно из низших слоев, которые бросали тогда польское латинство ради русского Православия. Говорить же о том, что галичане «просвещены» и обращения были из язычества в христианство Яцеком, как уверяют некоторые римо-католические писатели, было бы в высшей степени нелепо, зная то, что христианство в форме греко-восточного исповедания насаждено здесь еще свв. братьями Кириллом и Мефодием и окончательно утверждено Владимиром Святым и его преемниками.

2. Действительные попытки пап подчинить своей власти православных Галицкой и соседней Руси и борьба с ними в рассматриваемый период

Покушения Рима совратить Русь в католицизм начинаются еще до принятия ею христианства, когда послан папы к Владимиру Великому с предложением крестить Русь по латинскому обряду этот князь ответил: «Идите опять, яко отци наши сего не приям суть» (Лавр. лет.). Несмотря на обращение Руси в христианство, означенные покушения продолжают через всю нашу древнюю историю, преимущественно же во всех затруднительных обстоятельствах. Граф Д. А. Толстой в своем капитальном сочинении «О римском католицизме в России» насчитывает в период времени с XI по XVI в. до 25 разных папских посольств и посланий к русским князьям и народу с целью совращения их в латинскую веру; но все они остались без успеха, подобно настоятельному призыву папы Иннокентия IV к великому князю Александру Невскому в 1248 г., на который последовал ответ: «Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим»⁹⁷.

Рядом с этими усилиями Рима не было недостатка в различных публичных приказах пап о крестовом походе против русских схизматиков⁹⁸, о низложении православных епископов с их кафедр, предложенном, например, папою Григорием XI в 1372 г. краковскому епископу в следующих словах: «Апостольским распоряжением поручаем и приказуем твоему братолюбию всех и каждого из епископов Русской земли: в гг. Галиче, Перемышле, Холме и Владимире, которые окажутся схизматиками, совершенно отдавать властью апостольскую от их церкви и епископий»⁹⁹. Во всех затруднительных обстоятельствах России, при всех ее бедствиях папы обещали русским склонить к помощи другие государства, но под условием, чтобы Россия обратилась в католицизм. В 1075 г. знаменитый папа Григорий VII, воспользовавшись просьбой сына великого князя Изяслава, просил польского короля восстановить Изяслава на престоле с тем, разумеется, чтобы он, почувствовав все могущество папы, обратился к Риму. Папа Александр III послал на Русь (в 1164—1166 гг.) епископа как бы для того только, чтобы узнать весьма известное Риму различие между вероисповеданиями греческим и католическим. Но митрополит Иоанн, обличив в самых скромных выражениях несостоятельность римского учения, уклончиво советовал папе обратиться для лучшего разрешения этого вопроса к патриарху Константинопольскому, главе Православной Церкви на Руси. «И подобает твоему священству, — писал он Александру, — патриарху Константинограда, и твоему брату по духу, послати и всякое тщание показать, да разрушатся соблазны и в едином единении были и возглаголане духовно»¹⁰⁰. В 1169 г. снова были послы от папы; но самые сильные попытки римского двора в распространении латинства на Руси относятся к первой половине XIII в.

С конца XII в. римские папы стали обращать особенное внимание на южные и северные славянские народы для церковного соединения их с римским престолом. Так, известный всему христианскому миру папа Иннокентий III в 1199 г. вступил в сношения с болгарами. Вслед за болгарскими сербский князь Волкан в 1198 г. обращался к папе Иннокентию III с просьбой прислать римского легата для церковного устройства в своей державе. Наконец, дошла очередь и до Южной и Юго-Западной Руси. Поводом к тому было завоевание Царегграда крестоносцами

в 1204 г. Хотя греки не подчинились римскому престолу, но все-таки у них была теперь заведена латинская иерархия вместо прежнего греческого патриархата, которому повиновалась вся Русская Церковь. В 1201 г. в Ливонии основан был орден меченосцев с целью мечом и огнем распространять папство, между прочим, и среди русских, а в 20-х гг. того же столетия татары начали опустошать Россию.

Казалось, политические обстоятельства и успехи католицизма в иных странах должны были содействовать успеху пропаганды; католицизм торжествовал, а Русское государство, по-видимому, погибало и Православие должно покорно склониться перед папством. Так думал Иннокентий III. «Мы радуемся, — писал он Балдуину, — о Господе, Который испровергает гордых и окazujeет Свою милость смиренным, что Он соизволил совершиться через тебя чуду для славы твоего имени, для чести и преуспеяния апостолического престола, для пользы христианства. Принимаем тебя, твои земли и твоих подданных под особенное покровительство св. Петра и приказываем защищать твою империю всем прелатам, князьям и всему христианству. Всему крестовому ополчению повелеваем охранять и поддерживать Константинопольскую империю, обещая за это отпущение грехов. С того времени, как царство греков отпало от послушания апостолическому престолу, оно падало все глубже, пока, наконец, справедливим судом Божиим не было приведено от гордыни к смирению, от неповиновения к послушанию, от схизмы к католицизму. По сему увещеваем тебя держать Греческую Церковь и Константинопольскую империю в подчинении апостолическому престолу, так как Бог подчинил их ему Своими велениями. Таким образом и сам ты вернее удержишь в своих руках государство»¹⁰¹.

В самый год завоевания этой православной столицы на Востоке явился к Галицкому князю Роману Мстиславичу легат папы Иннокентия III с предложением перейти в латинство и с обещанием за то расширить его области и дать ему королевское достоинство. После безуспешных уверений князя в превосходстве предлагаемой ему латинской веры легат пробовал затронуть честолюбие его, сказав, что если он подчинится папе, то папа сделает его королем и мечом Петра покорит ему многие земли. Кенигсбергская летопись под 1205 г. сообщает: «„Таже и папа, слышав, яко Роман угре и ляхи победи и всю Русь под себе приведе, сла к нему свой посол, намовляти в латинскую веру свою, обещавая ему грады и королем в Руси учинити. Роман же препирашеся от письма, а они не срамляяся належаху ему ласковыми словесы. Единою же молящую послу тому к Романови, како папа мочный и может его богата, сильна и честна мечем Петровым устрои, изъяз мечь свой, рече послу: «Такий ли то мечь Петров у папы. Иж имать такий, то может города давати, а аз, доколе имам и при бедре, не хочу куповати ино кровию, якоже отцы и деды наши размножили землю Русскую»»¹⁰².

Действительно, смелый Роман, отвергнув предлагаемое покровительство папы, скоро показал свою независимость и перед поляками. Вслед же за тем Роман Мстиславич, как самодержец всей Руси, решил предупредить замыслы папы и поляков, воспрепятствовать проникновению на Русь католичества, изгнать войска из русских пределов и оградить Русь от наплыва папских миссионеров. Он собрал много войска со всей Руси, Литвы и Подлясья и пошел войной на поляков, угрожая не только изгнать ляхов из русских пределов, но и в самой Польше истребить имя латинян и их обряд. Он достиг бы этого, если бы не был коварно убит поляками, внезапно нападшими на него во время начатых переговоров под Завихостом в 1205 г.

С устраниением греческого патриархата в Цареграде папа Иннокентий III Viterbij Nonis Octobris anno X, т. е. 1207 года, издал свое послание ко всему духовенству и мирянам на Руси, в котором настоятельно убеждает Русь возвратиться на путь истинный, ибо Церковь есть едина, власть над нею вручена апостолу Петру, которого он, папа, есть преемник: Греческая империя и почти вся Греческая Церковь покорилась уже апостольскому седалищу и смиренно приемлет его повеления; не безрасудно ли будет, если часть (т. е. Русь) не будет согласоваться с целым. Дальше папа говорит: «Посылаю кардинала Виталиса, чтобы он дочь привел к матери и член ко главе...». Об этом посольстве или намерении только папы Иннокентия III прислать в Россию посольство свидетельствует сохранившееся доселе в Ватиканском архиве послание. Оно напечатано в *Historia Russiae monumenta* Тургенева (т. I, с. 3)^{102-а}. В 1227 г. папа Гонорий III писал ко всем русским епископам, приглашая их принять унию¹⁰³.

С этих именно времен, как мы уже имели случай говорить выше, римские первосвященники для достижения желаемой ими цели стали отправлять на Русь не только своих легатов, но также большое число миссионеров из монахов доминиканского и францисканского орденов. При малолетних сыновьях Романа Данииле и Василье Галич снова сделался жертвой венгров, которые посадили в нем своего королевича Коломана. Явились латинские священники и монахи и выгнали из города православное духовенство, из православных церквей сделали костелы, а народ стали принуждать к латинству. В 1220 г. Мстислав Уда. сын снова избавил Галич от венгров, но сам испортил свое благое дело, выдав свою дочь замуж за брата Коломана и отдав Галицию за нее в приданое. После его смерти (1228) здесь опять началось усиленное распространение латинства. Венгерские королевичи, сидевшие в Галиче, проводили с собою римских епископов, папы прямо обращались к русским князьям, предлагая им соединение Церквей и, наконец, в 1234 г. на самых границах Руси в г. Опатове возникло католическое епископство под названием русского.

По свидетельству Богухвала, Генрих Бородатый, князь силезский, решился испросить в 1234 г. у папы разрешение на учреждение русского епископства в Опатове, близ Люблина. Папа согласился на это желание, и Готгард, аббат Опатовского цистерского монастыря, наименован был епископом. Впоследствии оно присоединилось к епископии Любушской. Круг деятельности этого епископства, его область послужили предметом спора между двумя известными учеными Зубрицким и Мацевевским.

После смерти Мстислава Удалого, как мы сказали, в Галиции опять началось усиленное распространение латинства. Гонение на греко-славянское исповедание облегчилось в начале 1240-х гг., после того, как Галицким престолом завладел опять русский князь, сын Романа — славный Даниил Романович.

В правление этого знаменитого князя для римско-католицизма представляются весьма удобные обстоятельства, почему и наблюдаются серьезные попытки пап к подчинению Галицкой Православной Церкви апостольскому престолу. Как известно, начиная с первой половины XIII ст., т. е. с захвата Константинополя крестоносцами, стало усиливаться влияние латинского Запада на Галицкую Русь, смежную с уграми и поляками. Политическое могущество римских пап и церковное влияние их на дела Европы, особенно же раздавание ими королевских венцов, обратило на них внимание Галицкого князя Даниила Романовича, находящегося уже в фамильной связи с королевскими дворами Угор, Польши и даже потом с ракузскими герцогами.

Исторические события, которые переживала тогда Русь, теснимая татарами, вынудили Даниила обратиться за помощью к папе, отважиться на крайне решительный шаг. Он первый из русских князей послал своего святителя Петра на Лугдунский собор (1245 г.), где, склоняясь признать главенство римского папы, испрашивал помощи против врага всего христианства. Об этом тайном посольстве пишет одна современная английская летопись. Говоря о русском архиепископе Петре, она, однако, нисколько не упоминает о том, кем он был прислан и для чего явился на Лугдунском соборе. Надо полагать, что русский святитель Петр нарочито скрывал причину своего посольства, чтобы не обратить внимания татар на князя Даниила, вступающего в договор с главою Римской Церкви против варварских покорителей всей Руси.

На Лугдунском соборе святитель Петр, по свидетельству Буртонского летописца, подал подробное известие о татарах, о происхождении их, вере, обычаях и отвечал также на предложенные ему вопросы. Таким образом, Западная Европа получила первое подробное известие о татарах от Галицкого святителя Петра, вследствие чего папа Иннокентий IV отправил из Лугдуна францисканца Иоанна Плано-Карпино с пятью монахами того же чина через Польшу и Русь к татарскому хану в Каракорум, в Монголии, где было местопребывание Чингис-хана и его преемников.

Кроме своего посольства к татарскому хану, Плано-Карпино имел еще письма и поручения от папы Иннокентия IV к нашим князьям и к высшему русскому духовенству, касающиеся примирения Южно-Русской Церкви с Римским престолом. Даниил, в свою очередь, когда возвращались папские послы от татар, также послал папе от себя письма со своими посланиями. Таким образом, начиная с 1246 г. завязалась усиленная переписка между римскою столицей и Галицким князем Даниилом. У Петрушевича приводятся важнейшие послания римских пап к галицкому князю Даниилу, которого они еще прежде коронации титулуют королем Руси.

Из переписки видно, что князь Даниил, подобно тому, как и византийские императоры, сознавая необходимость помощи Запада, готов был признать верховную власть Римского первосвященника, но никогда не был в состоянии, без соизволения русского духовенства и вельмож, пожертвовать греко-славянским обрядом в интересе политики, о чем даже ничего не упоминается в папских посланиях¹⁰⁴.

Эта переписка и переговоры между князем Даниилом и Римским престолом продолжались до 1249 г., когда, по сообщению Рейнальда¹⁰⁵, епископ Альберт, присланный папою Иннокентием IV для управления русским духовенством, был принужден оставить Русь, ибо князь Даниил, ожидая совершенно напрасно помощи Запада, стал, кажется, опасаясь татарской мести, прекращать свои сношения с Римом. О таком разладе между южно-русскими князьями и Римским престолом около 1248 г. красноречиво свидетельствует тот весьма важный факт, что князь Даниил с братом своим Васильком отправили епископа Кирилла для утверждения в митрополичьей власти в Грецию, а не в Рим, т. е. через Угры в Никею, где жил тогда Цареградский патриарх Мануил II, и там же поставлен в митрополиты; в 1250 г. он уже находился в Киеве.

Разлад между князем Даниилом и Римским престолом продолжался недолго; их сближению много содействовали соседние королевские дворы Угор и Польши, особенно же на сей раз угорский король Бела IV. Помимо всего этого, к осени 1252 г. литовский князь Миндовг, крестившись, был помазан, по приказу папы Иннокентия, Холмским епископом в литовские короли. И князь Даниил, кажется, частью уже для угодения своему честолюбию, частью еще больше, как полагает Петрушевич, для охранения русских областей от нападений своих крещеных и некрещеных соседей, склонился принять присланный ему королевский венец Римским первосвященником по примеру галицкого короля Коломана и, таким образом, первый из всех русских князей вступил в разряд европейских государей, подчиняясь на краткое время влиянию Запада. В следующем,

1253 г., на северо-западной границе Галицкой Руси, в г. Дорогичине, папский легат Опино короновал князя Даниила в достоинство Галицкого князя.

Вышеизложенные рассуждения об отношениях князей Галицкой Руси к Римскому престолу и коронации князя Даниила были основаны на западных письменных источниках, в которых мы не могли не заметить тенденциозного освещения этих отношений, возвеличивающих римских пап. В них более наблюдаются, безусловно, выгодные для пап свидетельства о заботах Даниила снискать помощи и единения у Римского престола. Совершенно иное повествуется в современных галицких и волыньских летописях. Волыньский летописец подробно описывает, что сам папа усиленно заботился о привлечении Даниила к унии и опровергает мнение тех, которые утверждают, будто, наоборот, князь Даниил искал у папы такой унии. Под 1255 г. в Ипатьевской летописи принятие Даниилом Галицким королевской короны описывается так: «Опиза (папский легат) прииде венец нося, обещавааяся, яко помощь имети ти от папы. Оному же (Даниилу) одинаково (по-прежнему) не хотяшу и убеди его мати его, и Болеслав (король польский) и Семовит Мазовецкий, и бояре Лядские, рекуше: дабы приял бы венец, а мы есьмы на помощь против поганым. Он же венец от Бога прия от церкви святых Апостол и от папы Иннокентия и от всех епископов своих. Иннокентий бо кланяше тех, которые хулят веру грецкую правоверную и хотяшу ему собор творити о правой вере в единение Церкви», т. е. для соединения Церквей¹⁰⁶.

Из этого свидетельства видно, что папа не только не порицал греческую веру, но и проклинал тех, которые дерзали хулить эту веру, и желал собрать Собор для соединения Церквей не на основании притязаний Рима, а на тех положениях и условиях, какие укажет Собор. Но, как показали последствия, такого Собора, где бы присутствовали греки, римляне и русские, в это время не было.

Татары — главные виновники обращения князя Даниила к Римскому престолу — сразу же взволновались, когда услышали о том, что недавно посетивший орду князь Даниил, коронованный, вступил в союз с Западом, для чего стали собирать свои войска, чтобы отомстить своему вероломному даннику. Будучи лишен обещанной помощи Рима и западных государей, Даниил усмотрел теперь всю опасность, которую он предвидел, когда первым папским послан, не решаясь еще принять поднесенной ему королевской короны, говорил: «Рать татарская не пристае зле живуши с ними; то како могу прияти венец, без помощи твоей» (т. е. Римского папы). Нет ничего удивительного в том, что король Даниил под напором татарских полчищ и, без сомнения, возникшей домашней реакции русского духовенства и бояр был принужден возможно скорее порвать всякие сношения с папою, во избежание грозящих вспыхнуть внутренних и внешних бедствий. Король Даниил, как полагает Петрушевич, прекратил свои сношения с кончиною папы Иннокентия IV, последовавшей 7 декабря 1254 г., ибо наследник его, папа Александр IV, своим посланием *Datum Neapoli II Nonas Martii/anno/primo* (1255) позволяет уже литовскому королю Миндовгу воевать *regnum Russiae ipsiusque in habitatores in infidelitates devio constitutos* и завоеванные части Руси присоединить к своей державе¹⁰⁷.

Факт коронации князя Даниила в г. Дорогичине папским легатом толкуется обыкновенно нашими историками как чисто дипломатический шаг со стороны Даниила с целью побудить Римского папу организовать крестовый поход против татар; и так как обещанный крестовый поход не был организован, то всякие сношения Даниила с Римским папой по политическим и церковным вопросам вскоре совершенно прекратились и никаких следов от этого мероприятия Даниила не осталось.

Несмотря на всякие попытки Римских пап насадить католичество в Галицкой Руси, Православие оставалось, однако, господствующим на юго-западе и стояло твердо до самого пресечения рода галицких князей. Последним верховным государем Галицко-Русской земли, хотя уже сильно урезанной в своих размерах и границах, был Мазовецкий князь Болеслав Тройденевич, правнук Даниила Романовича.

После Болеслава Тройденевича, отправленного местными боярами за его преданность католицизму, Галицко-Русское государство подверглось последовательному нашествию поляков под предводительством польского короля Казимира III Великого, и Галиция была присоединена к Польше, в то время как остальные части Галицко-Русского государства (Волынь) отошли под власть Литвы (1340).

Теперь, когда Галицкая Русь перешла в руки иноплеменников, Православие подверглось страшной опасности: употребляли насилие для искоренения его и замены римским католицизмом. но, видно, еще сильна была вера в народе. На насилие он отвечал насилием, и Болеслав Мазовецкий был отравлен главным образом за то, что посягнул на православную веру. Казимир, пришедший после него, был принят на условиях уважения к господствующей религии, но на стороне Казимира была сила, притом он прекрасно понимал, что при различии веры никогда не произойдет слияния русских с поляками, а, следовательно, власть его в Галиче не будет прочной. Исследователи церковной старины единогласно утверждают, что фанатический Казимир беспощадно переделывал русские церкви в костелы.

После смерти Казимира Галиция вместе с Польшей перешла во власть венгерского короля Людовика, который отличался необыкновенной преданностью католицизму и употреблял все

силы для его распространения. Известно предложение, которое он сделал грекам, в то время просившим помощи против турок: Людовик находил возможным помочь им только под условием подчинения их Римскому престолу; последний не остался неблагодарным, и Людовик был награжден титулом *Signifer Ecclesiae*¹⁰⁸. Ясно, конечно, каковы могли быть отношения этого короля к православным Галицкой Руси. Действительно, Людовик Венгерский, приступая к утверждению здесь латинства, для большего успеха передал Галицию в ленное владение польскому Мазовецкому князю Владиславу Опольскому, такому же ревностному католику. Владислав в свою очередь обратился к францисканцам, всячески им покровительствовал, подарил им свой дом во Львове, позволил русскую церковь Честного Креста переделать в латинский костел и, заботясь о быстром совращении русских, вместе с Людовиком испросил разрешение папы на учреждение латинской архиепископии в Галиче и трех епископий в Перемышле, Владимире и Холме. Буллой Григория XI «*Debitum pastoralis officii*» 13 февраля 1375 г. была установлена организация Католической Церкви в Галиции. Таким образом, с 1376 г. латинство уже имело в Галиции свою архиепископию и 3 епископии, а потом уже братья доминиканцы с благословения папы завели (с 1381 г.) в ней инквизицию.

Итак, буллой папы Григория XI от 1375 г. сообщена была Католической Церкви в Галиции известная организация, при существовании которой католическая пропаганда должна бы пойти успешнее. Однако надо сказать, что все меры, какие только предпринимали папы и польские короли к окатоличению Галицкой Руси, разбивались о непоколебимую приверженность к Православию русских галичан, ревниво охранявших вместе с Православием свою национальную самобытность.

Судя по той страстно-напряженной деятельности, какую обнаруживали Казимир и Людовик с Владиславом Опольским, Римская курия и ее бесчисленные агенты, можно бы подумать, что Православие исчезнет в Галицкой Руси бесследно, что зальют его до самого края те волны, которые со всех сторон на него нахлынули. Но оказалось далеко не так. Коренные русские поселенцы Галиции в массе своей (за исключением небольшой части) до сих пор остались чуждыми католицизму. Как скала, рассекающая все набегающие на нее волны и с шумом отбрасывающая их, Православие удивительно выдерживало, да и теперь еще выдерживает все могучие напоры католического мира в этой исконно русской стране.

Глава IV

Внутреннее состояние Православной Галицкой Церкви

1. Церковная иерархия, избирательное начало в замещении церковно-иерархических должностей и управление

Известия о галицкой духовной иерархии рассматриваемого периода очень скудны. Исследователь Д. Зубрицкий, например, отказывается определить, каково было в этом периоде состояние иерархии в Червонной и Галицкой Руси. Достоверно одно, что при первом учреждении русских епархий в 992 г. одна из них образована во Владимире-Волынском и тогда же послан был туда епископ Стефан. Довольно долгое время (992—1137 г.) во всей Галицко-Волынской области существовала одна Владимирская епархия; к ней принадлежали все те места, которые впоследствии вошли в состав прочих епархий Галицкой Руси. В конце XI в. или в начале XII в. учреждена в Галицкой области епископия Угровская, которая в 1223 г. переведена в Холм, и с этого времени известна у писателей под именем Холмской. Во второй половине XII в. (1157—1165 г.) открыта новая епископия — Галицкая. В следующем, XIII ст. число епархий Галицко-Волынской области увеличилось еще епархиями Перемышльской и Луцкой.

Иерархи, управлявшие епархиями Галицкой Руси в продолжение рассматриваемого периода, все назывались епископами и поставляемы были на епископские кафедры митрополитами Киевскими, от которых зависели в важнейших делах церковного управления. Что же касается положения духовенства вообще, то в этом случае источники не представляют ничего характерного, что бы отличало галицкое духовенство от других русских духовных лиц. Духовенство в Галицкой Руси (как и вообще на Руси) всегда имело большое значение, но в конце XIII и в XIV в. оно приобретает еще большее влияние на дела в княжестве. Его представитель — епископ — находится в числе членов верховного совета; заместителем своим князь назначает епископа; на последнего возлагаются посольские поручения, например в 1287 г., по словам летописца: «и посла (Владимир Василькович) ко брату епископа своего Володимерского Евьсегньа»¹⁰⁹.

Великие князья оказывали иерархам высокое уважение и полное доверие. Все княжеские грамоты начинались словами: «По благословению отца нашего митрополита» и скреплялись митрополичьей подписью и печатью. Князья — верховные властители своих уделов, воспитавшиеся под руководством иерархии, — приучались действовать на основании не столько юридических, сколько нравственных начал.

Каковы были права епископа в это время, лучше всего показывает фундушевая запись Любарта Гедининовича на некоторые села в пользу соборной церкви святого Иоанна Богослова в Луцке. Из документа этого видно, во-первых, что епископ участвовал вместе с боярами в совете князя; во-вторых, в его (епископа) заведовании находились дела благотворительности и, в-третьих, что епископу принадлежало право не только рукополагать архимандритов, игуменов и священников, но и судить духовных.

В XII—XIII вв. замечаем, что избрание епископов, совершавшееся первоначально собором одних лишь иерархов, под руководством митрополита и по соизволению великого князя, постепенно становится делом мирян, представителей местных паств, не говоря уже о Новгороде, где избрание епископов всегда принадлежало народному вече, но и в других древнерусских княжествах вошло в обычай, что по смерти или удалении епископа местный князь вместе со своими подданными избирал ему преемника и посылал к Киевскому митрополиту для посвящения. Такое избрание, согласное с древними обычаями Церкви, считалось законным; если же митрополит сам назначал куда-либо епископа, то это признавалось незаконным. Так, например, когда в 1183 г. митрополит Никифор по своему усмотрению поставил в Ростов епископа Николая Грека, то великий князь Владимирский и Суздальский Всеволод Юрьевич не принял его, говоря: «Не избраша сего люди земли нашей», и принудил посвятить народного избранныка — киево-спасского игумена Луку: *Летописец*, повествуя об этом эпизоде, замечает: «Нестъ бо достойно наскакати на святительский чин, но его же Бог позовет, князь восхочет и людие»¹¹⁰, указывая тем на общее правило, какого держались тогда при избрании епископов. Впоследствии в Московской Руси правило это было изменено в смысле устранения мирян от участия в выборе иерархов; но в Юго-Западной Руси, еще до отделения ее от Московской митрополии, находим, что избрание епископов совершалось по прежнему обычаю, т. е. не собором одних иерархов, но при участии князей, бояр, священников и всего «людства» той епархии, для которой избирался архипастырь¹¹¹.

Когда здесь была учреждена впоследствии отдельная митрополия, то тем же порядком совершалось обыкновенно избрание и Киевских митрополитов с тем лишь отличием, что в состав избирателей входили князья, бояре и «людство» не одной какой-либо епархии, а всей Литовской митрополии. Та же система всенародного избрания применялась в Юго-Западной Руси к замещению и других степеней церковных, до низших клириков включительно. Имеются документальные сведения, что еще в середине XVI в. архимандритов Киево-Печерской и других обителей избирали не одни старцы монастырские, но также князья, бояре и земляне Киевской земли¹¹², а виленские мещане до времен самой унии избирали и поставляли к своим городским церквям не только священников, но и диаконов, уставщиков и пономарей¹¹³.

Избирательная система, как известно, всегда сближает избирателей с избираемыми и порождает между ними тесную нравственную связь; так было и в Галицкой Руси изучаемой эпохи. Не составляя из себя особого, замкнутого сословия и постоянно пополняясь членами, избранными из среды мирян, духовенство Галицкой Руси жило одною жизнью с своими пасомыми, принимало видное участие в их общественных и политических делах и в свою очередь не устраняло мирян от такого ее участия в делах, касавшихся предметов собственно церковного ведения. Пока в Галицкой Руси существовали удельные княжества, православные иерархи занимали почетные места в составе княжеских советов, где они «о добром посполитом радели и советовали» вместе с другими князьями и боярами.

С другой стороны, и миряне в то время смотрели на церковные дела как на нечто такое, что должно подлежать ведению всех и каждого из членов Церкви, а не одной лишь иерархии. Постоянно оказывая Церкви покровительство и щедрые благодеяния, беспрестанно основывая новые монастыри, строя новые храмы и наделяя их землями и богатыми дарами, светские люди того времени, преимущественно же знатные князья, считали своим правом блюсти церковный порядок и благоустройство, контролировать жизнь и деятельность ими же избираемого православного духовенства и вообще принимать самое деятельное участие в делах церковных.

Таким образом, основными чертами внутреннего строя Православной Церкви Галицкой Руси в древнерусский период и даже до середины XVI в. надо считать: а) избирательное начало в замещении церковно-иерархических должностей и б) широкое участие мирян в делах Церкви. Черты эти одинаково были согласны как с духом древних соборных преданий Православной Церкви¹¹⁴, так и с характером понятий общественных возрений галицко-русского народа и при условии дальнейшего их сохранения и развития должны были сопровождаться самими благотворными последствиями и для самой Церкви, и для общества.

Кормчей книгой для церковного управления, как известно, принят в России тот самый Номоканон, которым руководствовалась Церковь Греческая. На основании Номоканона Владимиром Святым и Ярославом составлены два особые устава. Без сомнения, этими же правилами и уставами пользовались в предметах церковного управления и иерархи Галицко-Волынские. Православные епархии Галицкой Руси не имели других правил для церковного управления, кроме тех, которыми управлялись все вообще русские епархии; это Правила святых семи Вселенских и девяти Поместных Соборов, изложенные в сокращенном виде в Кормчей книге. Кроме

того, Киевские митрополиты составляли многие правила и уставы на Поместных Соборах, а иногда испрашивали разрешения некоторых вопросов у Константинопольских патриархов. Всем этим руководствовались в делах церковных и епархиальные епископы Галицкой Руси.

Высшее управление Церкви принадлежало Вселенскому (Константинопольскому) патриарху. Но надо сознаться, оно было очень ограничено. В общем порядке управления он только утверждал митрополита для Юго-Западной Русской Церкви, чем почти и ограничивалось его участие в делах этой Церкви.

Ближайшее и непосредственное управление Церковью Галицкой Руси принадлежало — до учреждения собственной митрополии — митрополиту Киевскому. Митрополит имел право обозревать епархии, требовать у епископов отчета по управлению епархиями, возбуждать недействительные, виновных подвергать суду и привлекать к взысканию; он утверждал постановления епископов о церковных доходах¹⁵ и был ходатаем по делам Церкви и духовенства пред государственною властью. К нему обращалось духовенство в случаях нарушения или стеснения его прав гражданскими властями и частными владельцами в делах церковного суда, а также в случаях притеснения по сбору установленных в пользу духовенства доходов¹⁶.

Епископы имели такую же власть в своих епархиях, какую митрополиты во всех епархиях или во всей Юго-Западной Церкви. Епископ разрешал построение новых церквей и обителей, поставял пресвитеров, охранял и защищал их от обид, наблюдал за целою и неприкосновенностью церковного имущества, разбираал судные и тяжёбые дела между духовенством, виновных в нарушении церковных правил или дисциплины подвергал взысканиям¹⁷.

Отличительную же особенность Православной Галицкой Церкви в области церковного управления составляли так называемые «крылосы», существовавшие при митрополите и епископах как органы их управления, с известным кругом обязанностей, но до некоторой степени самостоятельные в отношении к своим епископам. «Крылосом» называлась духовная коллегия, находившаяся при епархиальной кафедре и состоявшая из лиц белого духовенства. Это был орган епархиального суда: без его участия епископ не мог судить не только мирян, но даже подчиненного ему духовенства. Вместе с тем это был и орган епархиального управления: «крылос» избирал архиерейских заместников, судивших и ридивших сельские причты, вместе с епископом заведовал церковными имениями, с ним же нераздельно являлся представителем церковно-епархиальных интересов в светских судах и перед государственною властью. Можно думать, что «крылос» был одним из старинных учреждений в Южно-Русской Церкви: о нем упоминается еще в грамотах князя Льва Даниловича Галицкого от 1292 и 1302 гг.

Конечно, такое участие народа в делах церковного управления не имело большого смысла при православном правительстве, так как, естественно, само правительство бережно охраняло основные принципы веры и Церкви; но при правительстве неправославном, притом действовавшем иногда под давлением вероисповедных принципов, церковная власть, естественно, должна была ближе примкнуть к народу и в нем, в силе его национального духа, в заслугах и доблестях лучших его представителей, имевших вес и значение в государстве, искать для себя опоры и поддержки. Это участие, как и надо было ожидать, постоянно было ограничиваемо и ослабляемо государственною властью, как противостоящая ей сила; но, несмотря на то, сила эта в значительной степени успела отстоять свои права и раскрыла их в истории во многих отношениях благотворным образом.

К таким светлым явлениям, запечатленным на страницах истории Галицкой Церкви, относятся: народная защита Православия против унии и латинства, учреждение братств, народная заботливость об обеспечении епископских кафедр, об устройстве и украшении монастырских обителей и приходских храмов, вступление лиц знаменитых фамилий в духовное звание и прочее.

Но из этой же особенности Галицко-Русского церковного управления, по словам И. Чистовича, вышли и развилась и те настроения, какие наблюдались в Галицкой Церкви перед унией и после унии и каких никогда не было в Северо-Восточной Руси, именно: произвол короля в раздаче церковных должностей, бенефиций и титулов, чрезвычайное расширение светской власти в духовных делах, дошедшее до самоуправления, присвоение светскими правителями (воеводами, старостами, патронами) власти над церковными лицами и учреждениями, слабость церковного и нравственного характера духовенства и упадок влияния его на народ¹⁸.

2. Недвижимые имущества Галицко-Русской Церкви. Средства содержания церквей, монастырей и духовенства в Галиции

Известно, что Церковь Русская с самого начала образовалась по подобию Греческой и от нее заимствовала свою иерархию и свои законы. Известно также, что греческое законодательство в форме Номоканонов (Кормчих) имело всегда для Русской Церкви обязательную силу и практическое значение. Отсюда весьма понятно, что происхождением своих вотчинных прав Православная Церковь в Галицкой Руси очень много, если не всецело, обязана государственному законодательству Византийской империи. Это объясняет нам причину раннего появления и продолжительного существования в Галицкой Руси недвижимых церковных имений, состав-

ляющих собственность разных православных духовных учреждений. Фактическое право Православной Галицкой Церкви на приобретение недвижимых имуществ ведет свое начало тоже с XI в. и принадлежало ей без всяких законодательных ограничений до 1443 г., когда грамотою польского короля Владислава III от 22 марта выражено первое общее определение прав западно-русского и литовского православного духовенства на владение церковными имениями¹¹⁹.

Первыми и до середины XV в. почти единственными жертвователями недвижимых имений в пользу Православной Церкви Галицкой Руси были русские и литовские князья и княгини. Дареня же от частных лиц начинают появляться только с конца XIV — начала XV в. и чаще встречаются не раньше второй четверти XV ст. Такое позднее появление, сравнительно с княжескими пожалованиями, дарений от частных лиц объясняется прежде всего самым различием прав на владение землею великих и удельных князей, с одной стороны, и частных владельцев, с другой. Первые владели своими княжениями и «дедизнами» на правах полной собственности, были «отчичами» с верховной властью в деле распоряжения землями своих уделов, а все лица не княжеского рода не имели права полной собственности по отношению к земле, владея ею не иначе, как по милости великого князя без права отчуждения ее от себя кому-нибудь другому.

Монастыри в Галиции так же, как и вообще в России, пользовались большим расположением со стороны владетельных князей и весьма щедро наделялись ими разного рода движимой и недвижимой собственностью.

Содержание церквей и духовенства в Галиции, как и везде в России, первоначально зависело от добровольных подаяний. К этому присоединились потом доходы с недвижимых имений. Священно- и церковнослужители приходские пользовались еще подворным — с прихода — ежегодным сбором денег, хлеба и других необходимых вещей, называвшихся «роковщиною». Кроме того, источниками содержания собственно епископов главным образом служили: 1) десятина, которую князья уделяли из своего имения только на соборные церкви в своих уделах; 2) судные пошлины по духовным делам епархиальным; 3) ставленные пошлины; наконец 4) ежегодные приношения, известные под именем «кун». Между тем время от времени поместные владения церквей и духовенства увеличивались от пожертвований благочестивых Галицких князей.

3. Учение и духовное просвещение в Галицко-Волынской области

Галицкая, или Подкарпатская, Русь не отставала в деле просвещения и образования от других народов. Первыми учителями и распространителями духовного просвещения в Галиции, как и в других областях русских, были по преимуществу люди духовного чина. Но и со стороны князей и выдающихся бояр духовное просвещение находило в этот древний период немалую поддержку. Известно, что еще при Владимире Святом устроены были при церквях приходские училища, где воспитывались дети под руководством местных священно- и церковнослужителей, и «бысть, — по словам летописи, — множество училищ книжных» (Ник. лет. I, 94). Известны книголюбие Ярослава и Святослава Ярославича, образованность Всеволода, начитанность Мономаха. Собрания книг завещались церквам и монастырям и обогащали их библиотеки. Монастыри принимали значительное участие в насаждении просвещения. По Студийскому уставу, библиотека является непременно принадлежностью каждого монастыря, и посещение ее рекомендуется братии в известные часы.

Просветительная деятельность в древней Галиции изучаемого периода, как и вообще на Руси, принадлежала Церкви. Само просвещение насаждалось здесь в духе греко-восточного Православия и носило религиозный характер. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует творец сочинения «Картина России»¹²⁰, описывая заслуги Владимира Святого: «Заслуги Великого Владимира пребудут незабвенны: он завел училища для людей всякого состояния, определил к ним греческих наставников для обучения детей, даже против желания их родителей. Издал учреждение для училищ, которое сделало бы честь самой просвещеннейшей нации, содержал на своем жалованье мужей искусных в греческом и славянском языках, поручил им перевести Библию и церковных писателей на язык отечественный. Подлинник сих переводов приказал, украсив золотом, серебром и драгоценными камнями, положить во святых храмах, списки с них раздавать народу». При епископских кафедрах, монастырях и церквях учреждались школы и книгохранилища. Учреждались школы во всех больших городах: если при Львовской Успенской церкви было Ставропигиальное братство, то оно, без сомнения, по давнему обычаю содержало и школу. Одно из таких училищ заведено было во Владимире-Волынском, быть может, еще, как полагает Татищев, епископом Фомою Греком, который послан был сюда для утверждения веры. Под 1097 г. летописец Нестор говорит о самом себе, что он «ездил во Владимир на Волыни смотраючи ради училищ и наставления учителей»¹²¹. Если училища учреждаемы были в других, менее важных, городах, например в Курске¹²², и даже в селах¹²³, то, без сомнения, подобных училищ не могло не быть в таком обширном и многолюдном городе, как Владимир. Галицко-Волынский князь Ярослав Владимирович Осмомысл († 1188), «изученный многим языкам и наукам», ревнуя о благоустройении правой веры, вменял инокам

в обязанность обучать детей наукам и уделять на это часть монастырских доходов¹²⁴.

О другом Галицко-Волынском князе летописец говорит: «Володымер, разумея притче и темно слово и повестив со епископом много от книг, зане бысть книжник великий и философ, якоже не бысть по всей земле. Он со епископы и игумены снимаясь часто, со многим смиреннем беседоваше от книг о житии света сего тленнаго»¹²⁵. Этот мудрый и благочестивый князь, племянник Даниила Романовича, считавшийся великим книжником и философом своего времени, ревностно заботясь о распространении христианского учения между своими подданными, усердно старался приобретать различные священные, богослужебные книги и, по словам летописцев-современников, положил во Владимирском монастыре свв. Апостолов сборник великий отца своего¹²⁶. Многие священные книги он списывал собственноручно, как-то: Евангелие, Апостол, Молитвослов, Служебник, Жития святых, Деяния мучеников и др.¹²⁷ Приходским священникам поставлялось в обязанность учить малых детей в доме, а всех — в храме, что, без сомнения, много способствовало распространению духовного просвещения в народе.

Отдавать детей в ученье, по достижении ими известного возраста, сделалось делом уже обыкновенным, принятым обычаем. Школа и книги открывали любознательным галичанам доступ к переводной славяно-болгарской письменности. Но отдельные, избранные лица, особенно из духовенства и князей, довершали свое образование под руководством греков или же воспитывались в Западной Европе и потому непосредственно могли ознакомиться с византийским и западноевропейским образованием. Высшей школой просвещения в византийском духе долгое время был Афон. Здесь, в одном из Афонских монастырей, до XII в. было много русских книг. С греческого переводилось то, что считалось важным. Вот отчего древняя галицко-русская письменность была обогащена всем, что в то время в Византии считалось лучшим. Вот почему у наших предков были переводы почти всех лучших произведений — не только святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова, но и многих других отцов Церкви и летописей Иоанна Малалы, Георгия Амартола и других историков. Киевский митрополит Кирилл, поставленный на митрополию по влиянию Даниила Романовича Галицкого, привез из Болгарии новый перевод Моисея на с толкованиями и ввел его во всех епархиях, а следовательно, и в епархиях Галицко-Волынской области.

К византийскому влиянию в Галицкой Руси впоследствии присоединилось западное. Ему преимущественно подчинялись галицко-волынские князья, нередко входившие в родственные связи с западными соседями своими и получавшие иногда образование при иностранных дворах, например, в Польше и Венгрии. Но это влияние почти исключительно касалось военного дела, разных ремесел и художеств. Главное — не было усвоено католичество, которое не замедлило бы наложить на народ свою тяжелую, гнетущую руку, и Галицкая Русь долго, по крайней мере во весь рассматриваемый период, оставалась православной землей.

Древнейшим письменным памятником духовного просвещения и самостоятельной письменности Галицкой, или Червонной, Руси служит описание некоторых происшествий в этой стране Василием, по мнению Н. М. Карамзина¹²⁸, священником или монахом. Священнослужитель Василий, житель Галицко-Волынской области, около 1098 г. был послан к ослепленному князю Васильку, и разговор свой с ним, равно как и весь свой рассказ о событиях этой страны, включил в Несторову летопись. В XII в. встречаем писания Нифонта, игумена Волынского, бывшего потом епископом Новгородским. Он, по мнению Татищева, продолжал Несторову летопись после Сильвестра (с 1116 по 1157 г.) и описывал по преимуществу происшествия волынские. Известны также ответы Нифонта на многие по делам церковным вопросы, которые предлагал ему некто Кирик¹²⁹. От XIII в. сохранились сочинения Волынского игумена Петра, бывшего впоследствии митрополитом Киево-Московским. Известно именно его поучение «игуменом, попом и диаконом»¹³⁰. В нем содержится увещание пастырям об их долге. Это поучение свяителя не только исполнено высокой мудрости духовной, но и отличается ясностью, легкостью слога, стройностью в расположении мыслей, твердостью и убедительностью доводов. Наконец, как памятник древнего просвещения в Червонной Руси особенное внимание обращает на себя волынская летопись, известная под именем Ипатьевской¹³¹. Летописец удивляет читателя знакомством с ученостью греческой, знанием Священного Писания, творений свв. отцов греческих и отечественных, истории и проч., также необыкновенной живостью и стройностью языка и живописностью изложения. Как поименованные памятники духовной литературы, так и известия, извлеченные из этих памятников, дают довольно достаточное свидетельство, что духовное просвещение в Галицко-Волынской области в рассматриваемый период находилось на значительной ступени. Занимаясь духовными сочинениями любили не только лица духовные, но и князья, каков был, например, Василько Романович.

В освещении весьма важного вопроса о просвещении в Древней Руси мы можем констатировать среди ученых историков два диаметрально противоположных взгляда: одни ученые (Е. Голубинский) сводят просвещение Древней Руси к простой лишь грамотности, при одном умении читать, причем грамотность в период домонгольский, говорят они, была более или менее распространена только между богатыми людьми и горожанами; что же касается жителей сел, то о них нужно думать так, что они оставались еще совершенно безграмотными или

что грамотность была между ними не более как чрезвычайно редким явлением. Другие историки, вслед за Татищевым, готовы считать не только распространение грамотности обязательным и повсеместным в домонгольский период, но даже склонны утверждать развитие на Руси в данный период среднего образования, между прочим, специального духовного.

4. Состояние православной веры и нравственности в Червонной, или Галицкой, Руси до завоевания ее Польшей (XIV в.)

Вера христианская распространилась в Галицко-Волынской области мирно и быстро, и ни один летописец, ни одно предание не говорят о каком-нибудь сопротивлении галичан принятию новой веры. Те же любовь и усердие, с которыми народ первоначально принял веру Христову, не оскудевали в нем и в последующие времена. Высокий, священный дар Неба во все рассматриваемое нами время храним был свято и содержим народом твердо и постоянно.

Дух набожности и благочестия древних галичан выразился как в сердечной их привязанности ко всему церковному и духовному¹³² так и в делах христианской любви и милосердия, а также в некоторых благочестивых обычаях¹³³. Этому много способствовал пример князей Галицко-Волынских, из которых многие отличались высоким благочестием, набожностью и усердием к церкви. Волынский летописец нередко изображает христианские свойства и добродетели своих князей Мстислава Изяславича (1156), Ярослава Владимировича (1182—1199), «мудраго, боголюбезнаго, честнаго», Мстислава Романовича (1206—1228) и др.¹³⁴. Некоторые из них представляются особенно правдолюбивыми и верными своему долгу и данному слову. «Срам имам и грех не исполнити обета», — говорил один сын Даниилов герцогу австрийскому, когда тот склонял Романа изменить в верности королю венгерскому, обещая за измену полземли немецкой и изъявляя готовность представить в свидетели папу и 12 своих бискупов¹³⁵. Других князей Галицко-Волынских летописец прославляет за милосердие, иных за доброту сердечную, некоторых за братолюбие.

Состояние православной веры в Галицкой Руси до завоевания ее в XIV ст. Польшей было подобно состоянию веры во всей Руси.

Из лиц, прославившихся особенной святостью и благочестием на Волынско-Галицкой Руси, известен, например, св. Стефан, епископ Владимирский. С самого детства находясь под непосредственным руководством преподобного Феодосия Печерского и постоянно пользуясь его наставлениями, святитель «добра извеще всякия добродетели искус». Снискав поэтому любовь всей братии Киево-Печерского монастыря, он был избран первоначально «доместиком», или строителем, церковного устава; потом удостоен был звания учителя. По смерти же преподобного Феодосия, бывшего игуменом обители, по единогласному избранию всей братии, занял место своего наставника. В новом звании св. Стефан ознаменовал себя новою ревностью к славе Божией и любовью к дому Господню: в самом непродолжительном времени он и «церковь (начатую преп. Феодосием) соверши и монастырь нов согради», поставив при этом правилом — совершать в монастыре «Божественную литургию за умершую братию и блаженных ктиторов»¹³⁶. Митрополит Иоанн, зная святую жизнь Стефана, избрал и посвятил его во епископа г. Владимира. На новом поприще служения св. Стефан был истинным пастырем словесного стада Христова, «образ бывая ему словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою»¹³⁷. Высокое его благочестие и святость жизни засвидетельствованы были самим Богом при перенесении честных мощей преп. Феодосия, когда святитель сподобился видеть «свет Божественныя славы от честных мощей отца и учителя своего». В немногие годы своего пастырского служения епископ Стефан «многия добродетели на успех словесному си стаду сотвори, ихже ради обретесе достоин неуявдаемого славы венца»¹³⁸.

Высоким благочестием отличался также и Полонинской обители игумен Григорий. Волынский летописец говорит о нем: «Григорий бяше человек свят, якоже не бысть пред ним и по нем не будет»¹³⁹. Его глубоко уважал, у него учился грамоте и иноческому житию благочестивый Войшелг, литовский князь¹⁴⁰.

Еще муж высокого благочестия — Волынский князь Владимир Василькович. Никто из князей всей Юго-Западной России не построил столько храмов, монастырей, как он; никто более его не наделял церковью книгами, утварью, угождями. Кроткий, незлобивый, правдивый, под старость он подвергся тяжкому искушению, которое четыре года переносил с терпением Иова. У него начала гнить нижняя губа. Три года болезнь усиливалась и распространялась. Еще будучи в состоянии заниматься делами, он раздал и разослал бедным все движимое свое имущество: дорогие одежды, драгоценные сосуды, серебро, золото, стада коней и пр. Между тем на исходе четвертого года болезнь Владимира достигла крайней степени. Благочестивый князь молился и ободрял себя словами Иова: «Блага восприях, злых ли не стерплю?» Наконец, причастившись Святых Таин, 10 декабря 1288 г. с молитвою на устах, он предал дух свой Богу, оплаканный народом, боярами и даже иноземцами.

Этим мы закончим свой очерк внутреннего строя и жизни православной Галицкой Церкви

за ее древний Русский период. Бросая общий взгляд на эту сторону жизни галичан, приходишь к заключению, что народ обладал многими здоровыми, могучими задатками дальнейшего развития: в нем замечаем недюжинные духовные силы, энергию, видим проложенные уже пути для дальнейшего духовного совершенствования, в тесной связи с греческим Востоком. Тягостное, тормозящее всякое развитие монгольское нашествие мужественно пережила юная Галицкая Церковь, и как ни велики были раны, нанесенные ей руками монголов, они быстро, однако, заживаемы были деятельными пастырями и благочестивыми князьями Галицко-Волынскими. Все старания римских первосвященников подчинить своей власти галичан посредством князей Галицко-Волынских и Литовских остались совершенно тщетными: князья признавали в церковных делах верховную власть Константинопольского патриарха и Всероссийского митрополита, а не Римского папы и его епископов. Богослужение и обряды церковные сохранились в Галичине во всей чистоте и неприкосновенности. Наконец, видим, что по самой вере, пламенной и живой, и доброй нравственности галичане достойно носили имя христиан православных.

Глава V

Митрополия в Галиции. Причины возникновения и краткая история ее существования

История митрополии вообще, запечатленная на страницах исторического прошлого нашего отечества, фактически свидетельствует о важном значении митрополичьих центров, в которых должны были сосредоточиваться все нити церковной и политической жизни, и красноречиво указывает на то нравственное влияние, какое оказывали всегда митрополиты на народ своей области, возвышая национальное значение князя и заставляя тем самым народ видеть в нем опору благоденствия и защиту от врагов внутренних и внешних. Чем выше был авторитет митрополита, чем сильнее и шире было его влияние на паству, тем более вырастал в глазах общества и авторитет князя. И, наоборот, с упадком власти митрополита или в ее объеме, или в силе естественно должен был тускнеть и ореол политического значения и государственной силы союзного с митрополитом князя.

Сознавая и понимая всю выгоду от такого содействия митрополита, Галицкие князья не могли, конечно, не желать иметь у себя такого духовного помощника в своем княжестве.

Надо заметить, что вопрос об открытии отдельной, самостоятельной Галицкой митрополии тесно связан с вопросом развивавшейся в то время гражданской обособленности юго-западного края, а потому одну из главнейших причин искания Галицией самостоятельной митрополии мы должны усматривать в чисто политических интересах княжества. Галицкие князья, уяснившие теоретически всю выгоду от их церковной самостоятельности, не только естественно, но прямо необходимо должны были домогаться последней. И вот в самом конце XIII и начале XIV в. мы видим настойчивые попытки со стороны Галицких князей учредить у себя особую митрополию, вопреки, быть может, народному недовольству. Что, действительно, стремление к политической обособленности Юго-Западной Руси было одной из главнейших причин искания Галицией церковной самостоятельности, то это показывает, по словам Н. Тихомирова, и конечный результат всех делавшихся попыток к церковному обособлению Галиции, кончившихся, как известно, формальным отделением ее вместе с Киевом и Литвой от Москвы в 1458 г.¹⁴¹

Главным виновником поставления отдельного митрополита для Галицкой Руси были прежде всего и больше всего Галицкие князья. Константинопольские же патриархи были только, по словам Н. Тихомирова, так или иначе послушным орудием, которым Галицкие владыки пользовались более или менее успешно¹⁴².

В 1347 г. определением императора Иоанна Кантакузина и преемника Константинопольского патриарха Иоанна Калеки — патриарха Исидора Галицкая митрополия была закрыта и опять возвращена в ведение митрополита Киевского Феогноста.

Из всего, что мы узнали о судьбе Галицкой митрополии в первой половине XIV в., с достаточной ясностью открывается, что ее существование в рассматриваемую эпоху было в высшей степени неустойчиво. Учрежденная в 1303 г., она держалась не дольше 1308 г., когда св. Петр удалился из Галицко-Волынской земли в Суздальскую и сделался митрополитом всея Руси. Затем настает непродолжительное митрополичье служение в Галиче некоего Гавриила, известного только по имени и по грамоте короля Казимира. Наконец, о последнем — Феодоре можно с полною достоверностью сказать, что он оставался митрополитом не больше каких-нибудь четырех или пяти лет. Все это заставляет признать значительную долю исторической истины в словах хрисовула Иоанна Кантакузина о прежних судьбах закрываемой им Галицкой митрополии: «И в прежние времена (значит, не в первый раз при Феодоре) замышляема была такая новость (возведение Галича в митрополию), но она падала и разрушалась в самом начале». Тот же император в своей грамоте к Димитрию Любарту говорит о прежних, неоднократных и неудачных попытках обратить Галицкую епископию в митрополию как о деле, хорошо известном

самоу адресату. А в Андрониковой росписи архиерейских кафедр, после закрытия в 1347 г. Галицкой митрополии, сделано о ней такое замечание: «Галицкий архиерей часто удостаивался митрополичьей чести, но теперь, благодаря властной настойчивости русского митрополичества, опять низведен на степень епископа»¹⁴³.

Заключение

Оканчивая свою работу, мы не можем не сказать несколько заключительных слов после всего того, что нами пережито и вынесено из обозрения этой родной нам страны. Наше внимание приковано теперь к той исключительной религиозности галичан, которой обусловливалось течение церковной жизни в рассмотренный период. Вся Червоная Русь вдоль и поперек облита слезами русского народа, который до последней капли крови всегда отстаивал свою веру.

В то самое время, когда вера христианская, благодатною силою своею привлекая сердца людей, быстро распространялась между обитателями Галицкой Руси, враги мира беспрепятственно терзали ее опустошительными войнами, имевшими вредное влияние и на состояние юной Церкви Галицкой. Уже в 1000 г. для Галиции, как и для всей России, начался период бедствий от внутренних междоусобий, бывших следствием разделения Руси на уделы, которых немало пришлось и на долю Галиции. Так, по смерти Владимира Святого первая междоусобная война между русскими князьями Ярославом Новгородским и Святополком Киевским произошла на землях Галицко-Волынских. Война эта была пагубна особенно тем, что открыла путь в эту страну польскому королю Болеславу Великому, который, победив Ярослава, «сидяше в Киеве, а воинство его по градом околным многия насилия людям творяху». Потом на обратном пути в Польшу он взял много городов Червенских, Волынских, оставленных беззащитными жителями. Эти завоевания сопровождаемы были также различными насилиями, даже разграблением храмов и хулою на православную веру¹⁴⁴. Среди внутренних, почти непрерывных междоусобий Галицко-Волынскую область посетили новые бедствия, и новые христиане должны были понести бремя искушений тяжких и продолжительных. С одной стороны, везде свирепствовали голод, болезнь и морь;¹⁴⁵ с другой — орды половцев, стекаясь со всех сторон, грабили, предавали огню беззащитные селения и умерщвляли жителей¹⁴⁶.

В 1099 г. Коломан, венгерский король, предполагая покорить своей власти Галицко-Волынскую Русь, думал ввести здесь и римско-католическую веру. Для этого взял с собой и епископов, которые готовы были обращать жителей в свою веру¹⁴⁷. К счастью христиан галицко-волынских, предположения Коломана не сбылись, и православные жители ее избавились еще на некоторое время от влияния римских епископов¹⁴⁸. Около 1136 г. Болеслав в отместку за опустошение Вислицы (города Сандомирского воеводства) вконец разорил и опустошил Галицко-Волынскую область, причем много претерпели православные церкви г. Владимира и других близких к нему мест¹⁴⁹. В XIII в. Галицко-Волынская область не переставала терпеть бедствия от опустошений со стороны половцев и поляков. В 1202 г. мужественный Роман Галицкий победил половцев и доставил радость многим христианам, освободив значительное число пленных из неволи¹⁵⁰.

С середины XIII в. начались новые бедствия для Галицкой Руси под игом татар. Батый, завоевав Восточную Русь, обратил свое оружие на Запад. Все истреблено было огнем и мечом. «Не бе на Володымыре не остал живый, — замечает волынский летописец, — церковь Святыя Богородицы исполнена трупья, инья церкви наполнены быша трупья и телес мертвых. Даниил скорбяше и моляшеся Богу о отчине своей»¹⁵¹. Впрочем, покорив своей власти Галицко-Волынскую область, татарские ханы не изменили ее законов и поставлений и, пока оставались язычниками, они не касались православной веры.

Но не так тягостны были для галицкого народа бедствия войны, внутренние междоусобицы князей и бояр и даже ярмо татарское, как мучительны были посягательства на его духовную природу, жестокие насилия над его религиозными убеждениями. Мы уже видели, какие напоры римско-католического мира пришлось с мужеством достойным удивления выдержать галицко-русскому населению в рассмотренный период. Видели, что Галицкая Русь жила одинаково с остальными юго-западными русскими областями церковноисторической жизнью, одинаково боролась с полонизмом за свою национальность и вероисповедание Греко-Восточной Церкви. История этого края, раскрытая, как священная книга, как завет предков потомству, дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего, указывает его исконно русскую, так сказать, природу, его древнюю и тесную связь с Русской землей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лонгинов А. В. Червенские города. Варшава, 1885, с. 96.
- ² Там же, с. 187.
- ³ Ипат. летопись, с. 54.
- ⁴ Андрияшев. Очерк истории Волянской земли до конца XIV ст., с. 82.
- ⁵ Мацевевский. Pierw. dz. Polcki i Litwy, с. 370—373. (Цит. по: Лонгинов А. В. Указ. соч.).
- ⁶ Лонгинов А. В. Цит. соч., с. 65.
- ⁷ Костомаров. История казачества в памятниках южнорусского народно-песенного творчества.
- ⁸ Лонгинов А. В. Цит. соч., с. 76.
- ⁹ ЖМНП, 1880, т. 208, с. 134.
- ¹⁰ Лавр. летопись (изд. 1872), с. 124.
- ¹¹ Die Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg, 1849.
- ¹² Барсов. Указ. соч., с. 111.
- ¹³ Там же, с. 112.
- ¹⁴ См.: ЖМНП, 1875, т. 179, с. 352—353.
- ¹⁵ Головицкий Я. Цит. ст., с. 353.
- ¹⁶ Барсов. Цит. соч., с. 115.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века, с. 216.
- ¹⁹ Лонгинов А. В. Цит. соч., с. 79.
- ²⁰ Памятники русской старины в западных губерниях, вып. 8, с. 232.
- ²¹ Ипат. летопись, с. 145.
- ²² Там же, с. 167.
- ²³ Там же, с. 180.
- ²⁴ Шафарик. Указ. соч., т. III, с. 18.
- ²⁵ Там же, с. 85.
- ²⁶ Ипат. летопись, с. 6, 7.
- ²⁷ Ипат. летопись, с. 3; Шафарик. Цит. соч., с. 84—86.
- ²⁸ Słownik Geograficzny, том I. Warszawa, 1880, с. 836—840.
- ²⁹ Ипат. летопись, с. 14.
- ³⁰ Петрушевич. Краткие исторические известия о введении христианства в предкарпатских странах. Львов, 1882, с. 46.
- ³¹ Мацевевский. История первобытной христианской Церкви у славян. Варшава, 1840, с. 218.
- ³² Monumenta Poloniae Historica, Bielowski, том I. Lwow, 1864, с. 15—30.
- ³³ Fontes rer Bohem. V. Praze, 1873, с. 111, 112—120 (см.: Петрушевич. Цит. соч., с. 7,8—59).
- ³⁴ Ипат. летопись, с. 523, 548.
- ³⁵ Петрушевич. Цит. соч., с. 63.
- ³⁶ Петрушевич. Wiadomosci Historyczno-Krytyczne do dziejow literatury Polskiej. Krakow, 1819, т. II. Przynisy N 44, с. 568. См. также его цит. соч., с. 16, 17, 20, 21.
- ³⁷ Лонгинов. Цит. соч., с. 72.
- ³⁸ История славено-болгар. Список Н. С. Тошкевича.
- ³⁹ Регель. Учредительные грамоты Пражской епархии, с. 298 и след.; сравн.: Лавровский И. Кирилл и Мефодий, 1863, с. 318 и след.
- ⁴⁰ Проф. Е. Голубинский. История Русской Церкви, т. I, с. 190—193.
- ⁴¹ См. Antiquitates Italiae, V. 831.
- ⁴² Зубрицкий Д. Критико-историческая повесть временных лет Червонной, или Галицкой, Руси, с. 20.
- ⁴³ Проф. Е. Голубинский. Свв. Константин и Мефодий, с. 49.
- ⁴⁴ Kronika Macieja Strzykowskiego. Warszawa, 1846, т. I, с. 132.
- ⁴⁵ Чистовиц И. Очерк истории Западно-Русск. Церкви. СПб., 1882, ч. I, с. 6.
- ⁴⁶ Проф. Е. Голубинский. История Русской Церкви, с. 2.
- ⁴⁷ Иловайский. История России, т. I, ч. I, с. 75.
- ⁴⁸ Ипат. летопись. СПб., 1871, с. 318—319.
- ⁴⁹ Галицкий исторический сборник, вып. I. Львов, 1853, с. 56.
- ⁵⁰ Вестник народного дома. Львов, год I, ч. I. 1882, с. 8—11; ч. II, 1 января 1883, с. 19.
- ⁵¹ Ипат. летопись, с. 441.
- ⁵² Галицкий историч. сб., вып. I, ч. I, с. 57—58, 91—93.
- ⁵³ Петрушевич. Исторические известия о церкви св. Пантелеимона, близ г. Галича. Львов, 1881, с. 93—95.
- ⁵⁴ Галицкий историч. сб., вып. I, ч. I, с. 94.
- ⁵⁵ Архив Юго-Западной России, т. VI, ч. I, с. 266.

- ⁵⁶ Ипат. летопись под 1264 г., с. 221—223.
- ⁵⁷ *Филарет, архиепископ Черниговский*. — История Русской Церкви. Период I. Чернигов, 1862, с. 145.
- ⁵⁸ Ипат. летопись под 1051 г., с. 110.
- ⁵⁹ Краткие сведения о монастырях Волынской епархии, в настоящее время не существующих. — Волынские епархиальные ведомости, 1867, № 3.
- ⁶⁰ *Татищев В. Н.* История России, т. II; с. 78; *Петрушевич А.* О времени введения христианства в Галицкой Руси. Львов, 1882, с. 1.
- ⁶¹ Памятники русск. старины. Вып. 7, с. 325.
- ⁶² ПСРЛ, т. I.
- ⁶³ Памятники русской старины, вып. 7, с. 325.
- ⁶⁴ *Чистович И.* Очерк истории Западно-Русской Церкви, вып. 1, с. 6.
- ⁶⁵ *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы, т. II, гл. 4, с. 217. *Макарий, архиеп.* История Русской Церкви, т. II.
- ⁶⁶ *Проф. Е. Голубинский* История Русской Церкви, т. I, с. 552.
- ⁶⁷ *Чистович И.* Цит. соч., с. 6. *Проф. Е. Голубинский.* Цит. соч., с. 570—573, 578, 579.
- ⁶⁸ *Зубрицкий Д.* История Галицко-Русского княжества, т. III, с. 17, прим. 10.
- ⁶⁹ *Чистович И.* Цит. соч., ч. 1, с. 9—10.
- ⁷⁰ *Проф. Е. Голубинский.* Цит. соч. т. I, 2-я пол., с. 700.
- ⁷¹ *Мальшевский И. И.* Доминиканец Яцек Одровонж-мнимый апостол земли Русской. — ТКДА, 1867, т. 2, с. 25—26.
- ⁷² Письмо Бруно издано с переводом и примечаниями Гильфердингом в «Русской беседе», 1856, кн. I.
- ⁷³ *Проф. Е. Голубинский.* Цит. соч., т. I, с. 187—189; *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 35—36; *Vitae S. Romualdi*, capp XXVI et XXVII, (у Миня Patr L., t. 144, p. 976 sqq).
- ⁷⁴ Тождество Бруно и Бонифация, решительно признаваемое Гильфердингом, доказывается особенно тем, что: 1) оба представляются родственниками императора Оттона III; 2) они объединялись еще писателем XI в. (Адемаром), у которого Бруно усваивает черты жизни, приписываемые Петром Дамиани Бонифацию; 3) а также глубокими почитателями Войтеха-Адалберта, вдохновляющимися его миссионерскими и аскетическими подвигами. Позднейшие и современные латинские писатели то разделяют их, чтобы побольше иметь апостолов латинства на Руси, то отождествляют, чтобы искуснее доказать латинское апостольство на Руси по крайней мере одного лица (См.: *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 36).
- ⁷⁵ *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 49—50.
- ⁷⁶ Там же, с. 59—60.
- ⁷⁷ Подобные женитьбы бывали тогда нередко; малолетних жениха и невесту только пока обрुчали.
- ⁷⁸ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. III, гл. V, с. 101.
- ⁷⁹ Там же, с. 101, 102.
- ⁸⁰ *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 63.
- ⁸¹ *Naruszewicz, Nistor. narodu polsk.* Т. IV, с. 129.
- ⁸² *Карамзин Н. М.* Цит. соч., гл. VI, с. 109.
- ⁸³ Ипат. летопись, с. 162.
- ⁸⁴ *Карамзин Н. М.* Цит. соч., гл. VI, с. 111, 112; *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 64, 65.
- ⁸⁵ *Naruszewicz.* Цит. соч., т. IV, с. 140—141; *Карамзин Н. М.* Цит. соч., гл. VI, с. 112; *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 65. Нарушевич допускает возвращение Коломана из плена в Галич, но затем скорое изгнание его отсюда недовольными галичанами и Даниилом в 1222 г. (См. его ст., прим. 251).
- ⁸⁶ *Naruszewicz.* Цит. ст. Т. IV, с. 220.
- ⁸⁷ Так показывает Ипат. летопись за 1227 г. — у Длугоша.
- ⁸⁸ *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 67.
- ⁸⁹ По одним данным — Александра Всеволодовича Бельзского, по другим — Ярослава Всеволодовича.
- ⁹⁰ *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 33.
- ⁹¹ *Зубрицкий Д.* Критико-историческая повесть временных лет Червонной, или Галицкой, Руси, М., 1845, с. 59, прим. 35.
- ⁹² *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 72.
- ⁹³ Там же, с. 73.
- ⁹⁴ Сомнения эти возбуждает упоминание в булле о татарах, о Лемберге, основанном, по мнению некоторых, позже, о Владиславе Опольском, так как около 1232 г. известен в Польше Владислав Одонич, а Опольский — позже (См.: *Мальшевский И.* Цит. ст., с. 73).
- ⁹⁵ *Филевич И. П.* Борьба Польши и Литвы — Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890, с. 125, 126; срав.: *Мальшевский И.* Цит. ст.
- ⁹⁶ См. эти буллы в *Nist. Russiae monumenta.* (*Мальшевский И.* Цит. ст., с. 76).

- ⁹⁷ Толстой Д. А. Римский католицизм в России. СПб., 1876, т. I, с. 3—7.
- ⁹⁸ Папа Александр IV дал в 1258 г. (не ранее, во всяком случае, 1257 г.) указ Оломунецкому и другим епископам стараться заставить князя Галицко-Владимирского Даниила силою оружия подчиниться Риму (Turgen, I, N XCV). Упомянутое призвание brachiis secularis против короля Даниила не осуществилось, ибо оно требовало бы снова крестового похода, а кончилось на воззваниях подобного рода к соседним западным государям к завоеванию Юго-Западной Руси, отказавшейся от церковного соединения с Римом. С такой целью писал папа Урбан IV 4 июня 1264 года, т. е. за два года перед кончиной князя Даниила, предлагая Богемским государям идти войной против схизматиков русских и литовских (Theiner, I, N 149). Венедикт XIII двумя посланиями к польским епископам в 1340 и 1352 г. открывал крестовый поход против русских и щедро рассылал индульгенции всем, кто изъявлял желание служить в этом походе, возлагавшемся на короля польского Казимира. (Петрушевич. Исторические известия о церкви св. Пантелеимона близ города Галича, с. 67, 68).
- ⁹⁹ Naguszewicz. Цит. соч., т. VIII, с. 270; см. также статью об учреждении латинской епископии в русских областях в: Холмский ежемесячник 1872 г., с. 59.
- ¹⁰⁰ Памятники российской словесности, с. 209—211. Цит. по: Толстой Д. А. Римский католицизм в России, с. 4—5.
- ¹⁰¹ Pichler A. Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident. München, 1864, I, с. 309 (Цит. по: Филевич, Борьба Польши и Литвы — Руси за Галицко-Владимирское наследие, с. 122).
- ¹⁰² Кенигсбергская летопись (Библиографический указатель. Российск. истор., ч. I. СПб., 1767, с. 300; см.: Проф. Е. Голубинский. Цит. соч., т. I, с. 491, прим. I).
- ^{102-а} Проф. Е. Голубинский. Цит. соч. т. I, с. 490.
- ¹⁰³ Там же, с. 491.
- ¹⁰⁴ Петрушевич. Исторические известия о церкви св. Пантелеимона близ г. Галича, с. 57—59.
- ¹⁰⁵ Annał. Essl. под 1249 г., № 15 (См.: Петрушевич. Цит. соч.).
- ¹⁰⁶ Ипат. летопись под 1871 г., с. 548—549.
- ¹⁰⁷ Петрушевич. Исторические известия о церкви св. Пантелеимона близ г. Галича, с. 66—67.
- ¹⁰⁸ Смирнов. Цит. соч., с. 145, 146.
- ¹⁰⁹ Ипат. летопись, с. 593.
- ¹¹⁰ ПСРЛ, т. I, с. 165; т. III, с. 127.
- ¹¹¹ Макарий, митр. История Русской Церкви, т. IX, с. 43, 193.
- ¹¹² Акты Западной России, т. II, № 112; срав. подобный же факт избрания игумена в Древней Руси. ПСРЛ, т. III, с. 42, 47.
- ¹¹³ Там же, т. II, № 231, т. III, № 144.
- ¹¹⁴ О судьбе выборного начала в Древней Церкви. — Духовный вестник. Харьков, 1862—1866, т. III, с. 144—459.
- ¹¹⁵ Архив Западной России, II, № 65. Архив Юго-Западной России, I, № 118.
- ¹¹⁶ Архив Юго-Западной России, I, № 65; Чистович И. История Западной Русской Церкви, с. 190.
- ¹¹⁷ Чистович И. Цит. соч., с. 191.
- ¹¹⁸ Чистович И. Очерк истории Западно-Русской Церкви, с. 188, 189.
- ¹¹⁹ Будилович А., свящ. О недвижимых имуществах Западной Русской Церкви, Холмско-Варшавский вестник, 1878, № 3 и 4.
- ¹²⁰ Т. II, с. 366.
- ¹²¹ Татищев В. Н. Цит. соч., т. II, с. 181, срав.: История русской иерархии, т. I, с. 407.
- ¹²² См. Житие преп. Феодосия в Печерском Патерике, 29.
- ¹²³ Татищев В. Н. Цит. соч., т. II, с. 75, 76.
- ¹²⁴ Татищев В. Н. Цит. соч., т. III, с. 280.
- ¹²⁵ Ипат. летопись, с. 218, 219.
- ¹²⁶ Там же, с. 222.
- ¹²⁷ Там же, с. 223.
- ¹²⁸ Карамзин Н. М. Цит. соч., т. II, прим. 184.
- ¹²⁹ См. эти ответы в кн.: Памятники российской словесности XII в М.. 1821.
- ¹³⁰ См. Прибавление к творениям свв. отцов, 1844, ч. II, с. 85—90.
- ¹³¹ См. ПСРЛ, т. II.
- ¹³² Ипат. летопись, с. 102, 106, 121, 153.
- ¹³³ Там же, с. 106, 135 и др.
- ¹³⁴ Там же, с. 102—105, 135, 136 и др.
- ¹³⁵ Ипат. летопись под 1257 г.
- ¹³⁶ Печерский Патерик, с. 121.
- ¹³⁷ Там же, с. 123.
- ¹³⁸ Там же, с. 123, об.

- ¹³⁹ Ипат. летопись, с. 204.
¹⁴⁰ Там же, с. 201—204.
¹⁴¹ *Тихомиров Н.* Галицкая митрополия. СПб., 1896, с. 22.
¹⁴² *Тихомиров Н.* Цит. соч., с. 27.
¹⁴³ *Павлов А. С.* О начале Галицкой и Литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в., с. 16, 17.
¹⁴⁴ Густынская летопись, с. 263, 4, 5 и далее.
¹⁴⁵ Ипат. летопись, с. 278.
¹⁴⁶ *Карамзин Н. М.* Цит. соч., т. II, с. 95, 96.
¹⁴⁷ Там же, с. 125.
¹⁴⁸ Там же, с. 123—125.
¹⁴⁹ Ипат. летопись, с. 17, 100, 146 и другие.
¹⁵⁰ *Мацеевский.* История первобытной христианской Церкви у славян, с. 147.
¹⁵¹ Ипат. летопись, с. 179; срав.: *Карамзин Н. М.* Цит. соч., т. IV, с. 14, 15.
-